

АЛЕКСЕЙ ЕФРЕМОВ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

КАК Я ВЕРНУЛСЯ
В ОТЧУЙ ДОМ
И ВСТРЕТИЛ
СИНГУЛЯРНОСТЬ

18+

Алексей Ефремов

**Как я вернулся в отчий дом
и встретил сингулярность**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ефремов А.

Как я вернулся в отчий дом и встретил сингулярность /
А. Ефремов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Говорят, что родительский дом – это место силы. Место, куда хочется вернуться, чтобы обрести покой, утраченный в суете взрослой жизни. Начало начал, из которого проистекает источник твоего счастья... или же твоих бед? Что если однажды твой дом обернётся местом боли, страха и всепоглощающей тьмы? Местом, в которое уже совсем не хочешь, но вынужден возвращаться снова и снова. И из которого никогда уже не сможешь убежать. Восемь судеб. Восемь жизней. Восемь историй. Страшных, странных, грустных и не до конца прожитых. Каждым из нас. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Астероидный гиалоз	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Астероидный гиалоз

Когда по телевизору заговорили про реновацию, в квартире вырубился свет. Символично, подумал Дворовой, заправляя плохо проглаженные края рубахи в едва застегнувшиеся на его располневшей за последние несколько месяцев талии. Дальше столицы дело всё равно не пойдёт – да может и не надо этого вовсе, продолжал он развивать внутри себя услышанную из только что потухшего экрана новость. Если уж бесперебойное электричество в этом городе редкость, то чего уж о бесперебойном жилье говорить.

Благо, светало в это время года рано. Солнце хозяйничало на холостяцкой кухне, вскрывая все её неблагоприятные особенности. Его изматывающий с самого утра зной запекал жирные кляксы, бог весть когда оставленные на обеденном столе, рисовал не потребствия на запылившихся дверцах шкафов и внаглую демонстрировал принцип броуновского движения на примере тысяч рассыпанных в воздухе соринок. Дворовой успел было расстроиться оттого, что ввиду отсутствия электричества не успеет насладиться видом вздымающегося в микроволновке зефира. Это было любимым его утренним развлечением. Едва ли не каждый день он готовил себе такой завтрак. Бросал зефир в пластиковый контейнер, а затем разглядывал, как там, за полупрозрачной дверцей стихийно разбухает белая масса, вырастая и возникая словно из ниоткуда. Каждый раз она приобретала все новые очертания, но почти всегда в них проглядывались женские груди, бёдра и живот – чуть выпуклый, с лёгкой рябью целлюлита, так заводившей Дворового в его бывшей жене. Правда, когда он ей об этом однажды сказал, та почему-то пришла в замешательство.

Нынешняя начальница Дворового в минуты своего несправедного гнева очень была на бывшую похожа. Не припухлостями своими, правда. Но она также закатывала глаза и оголяла нижние зубы, подворачивая под них подведённую, вымазанную бордовым карандашом губу. Оттого Дворовому так хотелось отыметь её, шефиню свою.

Она позвонила без пятнадцати девять и сказала, где будет ждать его, чтобы тот её забрал и отвёз на работу. Находилась она совсем недалеко, но Дворовой всё равно решил поторопиться. Он не любил заставлять её ждать. То ли потому, что побаивался, то ли оттого, что и впрямь нравилось угождать ей. Такой холодной, стервозной, неприступной. И при этом дико развратной. Об этом её качестве судачили все вокруг. Но Дворовой сам никогда не находил тому прямого подтверждения.

Он летел с пятого этажа, сбиваясь с ног, только чтобы не дать ей потерять терпение и уехать на такси. В последние пару недель она и так почти не пользовалась его услугами. Всё какой-то фронт с неприлично ровным контуром бороды заезжал за ней без конца по разным поводам. А бывало, с муженьком куда-то своим уезжала или вовсе запиралась у себя в кабинете, не выходя оттуда до самой ночи, как потом уже охранники докладывали. На вес золота была теперь для Дворового каждая, проведённая рядом с ней минута. Но отчаянно пытаюсь эти самые минуты сэкономить, он чуть не лишил себя часов, а то и дней дальнейшего беспрекословного созерцания вечно распахнутого рта своей возлюбленной.

Кто-то, видать, за ненужностью выставил в подъезд телевизор. Компактный, серый, иностранного производства ящик, какие уже никто и не покупает лет пятнадцать, наверное. Немудрено, что в пользу такого кто-то вдруг усомнился. Совсем уж старым аппарат не выглядел, но весь его корпус был испещрён пятнами грязи, уже затвердевшими и будто проросшими в пластиковый короб, а ещё напоминающими архипелаги островов, сфотографированные откуда-то из космоса. Около смиренно лежал вырвавшийся из телевизора шнур, образывавший переплетённое самим же собой кольцо. Аппарат стоял посреди лестничной площадки, напоминая брошенного щенка. Налетев на него, мужчина едва не вернулся с лестницы и чуть было не переломал себе всё, что можно. Будто только красноречие его редкое да нецензурное и спасло

бедолагу от травм. Основательно выругавшись, он было двинулся дальше, но какой-то зародившийся в нём ненароком – то ли от любопытства, то ли из-за опасений – импульс побудил Дворового обернуть голову и ещё раз окинуть взглядом телевизор. Что-то знакомое было в этом сером неприметном ящике. Что-то пугающе знакомое. Будто кто-то в прошлое Дворового заглянул сквозь замочную скважину времени и вытащил оттуда некий артефакт, совсем неочевидный, закодированный языком сна, но совершенно точно выдающий какой-то грязный секрет, разгадка которого была всего лишь вопросом времени и ясности ума разгадывающего. Из-за мутного мёртвого стекла на мужчину глядела искривлённая человеческая фигура – его уменьшенная копия с нечётким очертанием и застывшим стремлением к движению. Дворовой ещё секунд пятнадцать простоял, рассматривая эту странную инсталляцию, а затем на словах «чёрт знает что» побежал дальше. А через четыре минуты уже открывал дверцу машины своей ненавистно-обожасмой шефине.

– Они мне говорят: «где я вам сдачу с тысячи возьму с утра?», а я им: «ну *вы* же в магазине работаете, *вы* же продавец! Это не моя дилемма, где вы, вашу мать, сдачу возьмёте! Вы либо свою работу делайте как следует, либо увольняйтесь!», – распалилась Софья Васильевна. – И почему некоторым людям всегда нужно указывать на их место? И не смотри на меня так, Георгий. Я, может быть, глаза этой халде открыла на всю жизнь её бесполезную! Она, может, теперь и впрямь пойдёт, уволится да дельфинов рисовать начнёт или медуз. Ну не смотри на меня так, Жор. Влюбился будто. Господь всеобъемлющий, там пробка какая, глянь!

А он смотрел не на пробку, а на неё, на Софью Васильевну. Называя его Жорой, пусть даже делая это своим противным, звонким голосом, она Дворовому словно вены вскрывала и пускала кровь. Он тогда становился мягким и тягучим, почти как плавленый сыр, качества, правда, не самого лучшего. А когда Софья Васильевна при разговоре еще и зрачки свои от недоумения вверх уводила, так и вовсе пробуждала в мужичке всё самое неприличное, о чём он ни с кем и заговаривать не смел.

– Свисток свой разинут – и поехали! – не унималась начальница. – Ну, что за бабы. Точно в танке, вашу ж мать! Вот из-за таких красавиц цельнометаллических всё отношение к женщинам за рулём и выстраивается. Муженёк мой всегда, когда шалаву какую на водительском сидении видит, так рвотный рефлекс в себе пробуждает. Думаю, не дай Господь узнать ему, что я на права учиться собралась. Он же меня тогда в машине законсервирует и в гараже первом попавшемся закупорит!

– Он что у вас, Софья Васильевна, совсем изверг что ли?

– Мужчины, Жора, они всегда изверги. Просто кто-то это хорошо прячет, а кто-то знает, как этим управлять. Есть ещё третьи. Те вообще психи ненормальные. А мой – всё и сразу. У нас не дом, а поля боя ежедневное.

– А у меня матушка говорила, что женщина в доме – творец. Что, мол, она только и знает, как погоду в доме наладить, как настроение мужу правильно задать, как повлиять на него. Когда ситуация требует, конечно. Хех, она жалела ещё иногда, что сыновья у неё родились, мол, некому навыки эти женские ей передать.

– Повлиять... На что мы вообще повлиять можем? – Софья Васильевна посмотрела на Дворового сосредоточенно и не моргая. – Если бы всё так просто было. Человек – безвольное созданище, запомни, дорогой мой товарищ! Вот ты, например, делаешь шаг на север, а Земля под тобой крутанулась – и ты уже на северо-западе. И идёшь совсем не туда, куда вроде бы направлялся. Знаешь, говорят в народе: хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. Так и тут.

– Так это если бы все этой поговорке следовали, ничего бы хорошего, Софья Васильевна, с миром и не случилось бы. Никто бы ничего в мире этом не менял, никто бы никогда ничего не добился, только в Бога и веруя.

– Ну вот ты же ничего не добился. Или что, морда твоя смазливая – это главное достижение к сорока годам?

Дворовой сглотнул слюну.

– А чего это не добился? Я тут, как видите, сижу в машине, хоть и не своей, конечно, но в красивой и дорогой! Катаю на ней женщину. Привлекательную. Умную, – протянул мужчина. – В самом расцвете лет.

– Зубы тебе бы повыбивать за такие слова, Дворовой! Останавливай, приехали.

Начальница вышла из автомобиля и направилась к оформленному мрамором крыльцу размашистого здания, у которого суетились несколько мужичков в костюмах и с одинаковыми, как на подбор, выпирающими животами. Они по очереди кивнули Софье Васильевне, собиравшейся уже открыть дверь, но прежде, чем это сделать, она оглянулась, посмотрев вправо и влево, будто намереваясь переходить дорогу. Дворовой знал, что она так сделает и знал, какой её жест будет следующим: входя внутрь здания, она непременно проведет пальцами по лбу, как бы проверяя, не выбилось ли из-под плотно стянутого на голове пучка несколько волосинок. Рядом с этой женщиной Жора научился быть проницательным и подмечать вещи, на которые бы, наверное, ни один мужик в жизни внимания не обратил. Он знал, каким пальцем она водит по экрану смартфона; как кривит губы, когда собирается выйти из машины и даже научился – с точностью до 99 процентов – предсказывать, когда именно она скажет своё любимое «вашу ж мать» и в какой момент ничего подобного с её раздутых губ сорваться не может. Он, считай, был членом её семьи, человеком, которому доступны вещи куда более интимные, нежели её рогонощу-супругу.

Тогда Дворовой ещё и подумать не мог, что очень скоро ему чуть ли не лично в руки будут переданы грязные свидетельства нечистоплотных походов его шефини. И расскажет о них ему не секретарша Ася, прожигаящая людей своими толстенными линзами очков, не завистницы Софьи Васильевны, шуршащие конфетными обёртками за плотными дверьми кабинетов департамента, и даже не мужики, дымящие на крыльце и закашливающиеся от сигаретной пыли в лёгких. Дворовой узнает об этом способом весьма причудливым, который кроме как неким таинственным вмешательством потусторонних сил, пожалуй, и не объяснишь.

В тот день за неимением поручений он отправился домой раньше обычного. Волоча по лестнице отвыкшие от активной ходьбы ноги, он с упоением ждал момента, когда рухнет на свой любимый, продавленный с одного края, диван и сделает глубокий затяжной глоток Баварского, купленного в пивнушке на углу соседнего дома. Лишь бы только эти прохиндеи-торгаши опять его не развели. И пиво, и Дворового.

– Вот так насрёт в подъезде кто-нибудь, и то вряд ли кто спохватится, – с тяжестью в голосе сказал мужчина, уже второй раз за день натыкающийся на старый никому не нужный телевизор. Он стоял всё там же, где и восемь часов ранее. Если б не занятые пакетом руки, то так и быть – забрал бы себе, подумал Дворовой.

Квартира наполнилась оранжевой – от вечернего майского солнца – тишиной. До пятого этажа изредка долетали смешки и визг особо импульсивных детей, а также ор их мамаш, без конца устанавливающих для своих отпрысков правила. То были звуки далеко не самые подходящие к холостяцкой Жориной трапезе. Других, однако, его типовая двушка в этот вечер почему-то не вырабатывала. Телевизор так больше и не включился.

– И гарантия уже истекла, – смиренно выдавив из себя эти слова, Жора взял пиво и отправился на балкон. Там картины хоть и не такие весёлые и не столь событиями блещут, как любимые его постыдные телепрограммы, но всё интереснее, чем одному в комнате горевать. Разглядывая изредка прокатывающихся по двору и вокруг него людей, Жора мысленно рисовал меж ними тонкие ниточки, как бы показывающие, кто из этих индивидуумов мог состоять в тайной друг с другом связи, кто их них воспитывает чужого ребёнка, и даже строил догадки, кто на кого зуб точит за старые обиды, а может и вовсе что-то недоброе уже совершить замыслил.

Всё как в тех самых ток-шоу, что Дворовой спешно выключал, когда захаживал к нему брат или золовка с племянником.

Высматривая, нет ли и в этот раз среди разгуливающих по улице людей его родственников, Дворовой заприметил другую знакомую фигуру. Она, может, и не привлекла бы к себе никакого внимания, но очень уж движения её были резкими и частыми. Дамочка, приближавшаяся к подъезду, всё оглядывалась, вероятно, нервничая. К соседнему подъезду, от того, в котором жил Дворовой. Женщина оглядела всё вокруг себя несколько раз, но забыла запрокинуть голову наверх, дабы проверить, не утаивает ли небо в себе шпионов. Жора же, оказавшись в этом порочном образе против своей воли, противился и тому, *что* видел он в эти секунды. Нет, и впрямь несложно было поверить, что женщина вроде Софьи Васильевны способна на интрижку. Сложно было поверить, что интрижку она могла завести с кем-то, живущим в обычной панельной хрущёвке на окраине города. Причин пребывания Софьи Васильевны здесь можно было напридумывать сколь угодно, но все они казались Дворовому неубедительными. Хотя и отвлекали его от болезненного осознания того, что женщина, о которой он втайне мечтал, находилась совсем уж рядом, но так и не могла принадлежать ему, даже отчасти.

Интересно, сколь же длинным был список её любовников прошлых, нынешних и будущих, думал Дворовой, невольно вспоминая пересуды коллег. Нет, они никогда не поднимали эту тему напрямую, вот так сходу. Они начинали с её новых украшений Софьи Васильевны, плавно переходя на распил городского бюджета, в чём, по их словам, имелось непосредственное участие её и главбуха Антона Игоревича, с которым та водила шуры-муры. А там уже всплывали и остальные персоны, в существование коих Жора отказывался верить, предпочитая объяснять всё завистливостью и глупостью людей. Теми качествами, которых сам до ужаса стыдился.

Стук в дверь, прорвавший вязкое полотно отрешенности, показался Дворовому несоизмеримо более громким, чем звучал всегда. Он откликнулся где-то у него в костях. Пробежал по их пористой полости, раздавшись неприятным резонансом по всему телу. Помешкав немного, Жора побежал к двери, озадаченный неожиданным визитом.

Он никогда не включал в коридоре свет, заглядывая в глазок. В таком случае у того, кто находился по другую сторону двери, почти не было шансов распознать присутствия хозяина. Не сделал так он и на сей раз; и всё же, визитёры не отводили от двери взгляда, о чём-то перешёптываясь и, вероятно, живо себе воображая, как глаз Жорин всасывался в крошечное стеклянное окошко.

– Мы уж думали, ты там уснул опять или с балкона грохнулся! – начал было с порога Кирилл, родной Жорин брат, мужчина грозного вида и крепкого телосложения. Следом за ним в квартиру протискивались его сын Стас и жена Нателла. Они двое шутиливо друг друга толкали, будто не родитель с ребёнком вовсе, а парочка влюблённых, что уже неделю расцепиться не может.

– И чего это я с балкона грохнуться должен? – возмутился Дворовой.

– Да кто ж тебя знает. Ты в забытьё же любишь уходить. Хотя, вижу, сегодня вроде трезв. – настороженно произнёс Кирилл.

– Ты, давай, тут старшего брата не строй из себя. Тем более, что не полагается – возрастом не вышел, – с плохо скрываемой злостью ответил Дворовой.

– А мы тут мимо проезжали. Узнали, что папа наш к учителю Стасяна заходил, оценки все разузнал. Вот, решили забрать его, домой увести. И чего ты, Жора, в тишине сидишь? Непривычно даже как-то, – заметила Нателла. Золовка Дворового, нередко выполняла функцию громоотвода, оказываясь посреди туч, время от времени сгущающихся между Жорой и его братом.

– Да поганцы эти коммунальщики! Свет с утра вырубил, а как вернули, так и не работает больше ящик!

– Как же ты теперь без него обходиться будешь? Считай жизнь кончена. – рассмеялся Кирилл, рухнув на диван, а затем разинул рот в зевке так широко, что казалось, вот-вот начнёт заглатывать всё Жорино имущество. – А вот я, кстати, сегодня в телеке слышал, что пятиэтажки ваши расселять будут. По всей России, представляешь?!

– Дядь Жор, а зефир есть? – с кухни послышалось, как племянник захлопал дверцами шкафов.

– В нижем ящике, Стасян, поищи! – проорав это, Дворовой продолжил разговор с братом. – А мне никуда расселяться не хочется. Я тут всё люблю: стены эти, тараканами проеденные, потолки трясущиеся, даже санузел этот, вечно от каких-то говнарей вздрагивающий. Они мне помывки тут в четыре часа ночи устраивают. А я люблю этот дом, и всё тут!

– Ага. Особенно зная, что дом тебе на халяву достался. Да ты не кипятись, братишка. Я же сам суетиться не стал осознанно. Какой теперь спрос. А вообще ты участь мог бы себе и получше выбрать. Глядишь, щас бы жил иначе. И питался не полуфабрикатом этим соевым из морозилки, а осьминогами, – сказал гость, презрительно глядя на источающий липкий запах пластиковый короб с тефтелями, что дополнял своим присутствием натюрморт из одиноко стоявшего пивного бокала, наполовину уже отпитого.

– Меня мой образ жизни устраивает. Мне при всей моей вселенской усталости другого и не надо.

– Вселенской усталости? Даа... и откуда в твоём пивном животе такие мысли берутся? А хрущёвка, брат, это не образ жизни, а образ мышления! Но двушки тебе всё-таки многовато на одного. Всё равно один хлам тут складировешь. Плюшкин херов, – с пренебрежением сказал Кирилл, на что Дворовой издал еле слышный смешок.

Когда золовка ушла на кухню помогать сыну в его околокулинарных изысках, Кирилл прошипел что-то невнятное и направился на балкон. Лишь потом Дворовой понял, что брат позвал его с собой, вероятно, по случаю особой важности.

– Я вообще по делу пришёл, – гость зажёл сигарету и сделал глубокую затяжку. – Мне бы, кхм... у тебя денег лишних не завалилось? Тысяч тридцать там, двадцать пять хотя бы? – последние эти слова Кирилл произнёс почти шёпотом, почти уткнувшись лицом в собственное плечо и демонстративно при этом, очевидно, пытаясь скрыть смущение, почёсывая затылок. Прочистив горло, мужчина посмотрел на Жору и встретился с окаменелым недоумением на его лице.

– Да откуда у меня столько? – пробубнил Дворовой.

– Ты же никуда их не тратишь. Семьи нет, кредитов нет, машина – и та служебная. Жорик, мне сейчас край как нужны бабосы. Ты же знаешь, мы всё на отпуск спустили. Знаешь, во сколько мне эта Прага обошлась? Прага-хуяга, чтоб её! – Кирилл громко собрал в глотке слюну и сплюнул густой маслянистый комок, который, полетев с балкона, беззвучно приземлился на ковёр взрыхлённой у подъезда земли. – Не хочу я с ней больше жить, понимаешь?

– Шмара что ль какая появилась опять?

– Чего сразу шмара-то? – с обидой произнёс Кирилл. – Никого у меня нет. Просто надоело всё. Ты помоги мне, брат. Через пару месяцев верну.

– Чего, Жорик, он и тебя своими бизнес-планами безумными одолевает? – послышался из-за спины мягкий голос Нателлы. Она улыбалась. Она вообще почти всегда улыбалась. Всегда была мягкая такая, как бабушка с картинок в книжках детских. Помоложе, правда, и с комплекцией дела получше да с причёской ещё. Наверное, всё из-за йоги её этой. Иначе, впрочем, выжить на одной площади с его братом было бы невозможно, думал Дворовой, всё сильнее вибрациями и переливами Нателлы гипнотизируемый.

– Собирайтесь давайте, – в Кирилловых словах сочилась злоба.

– Уже? Вроде пришли только, – фыркнула Нателла и удалилась с балкона.

– Слышал? Всюду на посмешище меня выставляет, – процедил Кирилл. Он бросил с балкона окурочек и отправился вслед за женой.

Дворовой, конечно, любил их. По-своему – даже брата, хотя тот и был нескончаемым мудаком. Но от них всегда было очень душно. То ли из-за того шума, что они создавали, то ли из-за тех воспоминаний, что колыхались в Жоре при каждом их приходе. Вот и сейчас он был рад, что они уходили. Уходили, оставляя ему уже остывшую еду, согретое этой семейной духотой пиво и устряпанный расплавленным зефиром столик микроволновки, что с распахнутой пастью взирала с холодильника на Жору, пока тот забирает с кухни оставленный золовкой телефон.

– Ну ты, брат, моё предложение-то обдумай, – сказал Кирилл, натягивая мокасины. – И это, подключи ты уже себе интернет, как все люди нормальные. А то, чувствую, без телека скоро коньки отбросишь. Так и не узнаешь, у кого там наследство не поделено, а кто голубой.

– Да ладно тебе! Жорка же у нас фантазёр, – подметила Нателла. – Сам в голове своей фильмов понапридумывает.

– Дядь Жор, вы со второго этажа телевизор себе принесите. А то кто-то до помойки не донёс, – засмеялся Стас. Дворовой потрепал нехило вымахавшего за последний год мальчишку по голове, и с раздражёнными оханьями гости удалились из квартиры.

Мужчина проследил за тем, как они вышли из дома, сели в машину и вместе с ней исчезли из поля зрения. Затем Дворовой ринулся в подъезд, спустился на три этажа ниже, и, дивясь тому, что это древнее чудо телевизионной техники всё ещё находилось на своём месте, обхватил его обеими руками, а затем, поёживаясь от накатившего ощущения за собой слезки, побрёл обратно, в свою квартиру.

Ну а чего? Раз не надобно оно никому, то не пропадать же! Она, может, машина эта и не работает, так на запчасти вдруг пригодится. Надо бы у мужиков на работе поспрашивать, кому такое богатство нужно, размышлял Жора, преодолевая один за другим лестничные пролёты. Он пытался, едва поспевая за собственным дыханием и отгоняя от себя тревожные мысли, что кто-то вот-вот прильнёт к дверным глазкам и уличит его в присвоении чужого добра, оставленного тут ради некоего странного социального эксперимента, а вовсе не из-за желания выкинуть хлам. У самого-то Жоры этого хлама хватило бы целый блошинный рынок ассортиментом обеспечить на неделю торговли.

Разместил Жора своё приобретение на кухонном обеденном столе. Всё равно тот никогда не использовался по прямому назначению. Поставив туда телевизор, Дворовой принялся его разглядывать. На корпусе всюду были царапины, а кое-где и трещины, словно реки и расселины, какими их видно с огромной высоты. Они были грубо декорированы следами от липкой ленты, которой, вероятно, прежние владельцы пытались залечить нанесённые машине травмы. Несколько кнопок на передней панели отсутствовали, обнажая выступающие оттуда пластмассовые костяшки устройства. Кнопка включения тоже держалась на добром слове, и, казалось, что при попытке её нажать, она, отпружинив, непременно отскочит и вылетит к противоположной стене, зацепив по пути кого живого, причём нарочно. На обратной стороне устройства Жора обнаружил пульт дистанционного управления, скотчем примотанный к нижней части корпуса. До чего же заботливо кто-то обошёлся с этой шарманкой – почти что с любовью, думал Дворовой, отрывая одну за одной тонкие полоски клейкой ленты. Цифры на пульте над некоторыми кнопками почти стёрлись, но всё равно можно было легко понять, какая где.

– Ну и чего мне с тобой делать? Хоть какой-то есть с тебя толк? – пробубнил мужчина и потянул провод к розетке, что размещалась аккуратно под столешницей.

На экране загорелись цифры «00». Две скупые зелёные цифры в правом верхнем углу, они были наложены поверх агрессивной серой ряби, что простиралась по всему экрану и билась о его края подобно горной реке, готовой вот-вот подхватить заблудшего туриста и унести его с собой.

Антенны у устройства не было. Кто-то, видать, сломал. От неё оставался лишь короткий металлический огрызок. Мужчина вспомнил, как давным-давно точно также его брат сломал антенну на только-только купленном Жорой телевизоре. Дворовой принёс в его дом, потратив свои первые, заработанные в детском лагере, деньги. Семья тогда во всём себе отказывала. Вот Жора и старался мать свою порадовать. Она сериалы любила. Бразильские, мексиканские, аргентинские. А он себе лишних удовольствий и позволить не смел ради её спокойствия. Не то, что охламон этот, брат его младший.

Когда Жора нажал на кнопку «1», на экране возникла картинка.

– Ну всё, жить будем! – почти воскликнул Дворовой.

Но развернувшееся в ящике представление вряд ли было способного надолго увлечь обычного зрителя, привыкшего к более частой смене кадров, лиц и голосов. Там ничего не происходило. Поначалу не происходило ничего вообще. Только хмурая гримаса, образованная складками на занавеске, неподвижно глядела куда-то сквозь экран, мимо безразмерных и бесконечных завалов посуды, покрывающей кухонные столы. Камера, чуть возвышаясь над местом действия, не сдвигалась ни на сантиметр несколько минут, пока Дворовой разглядывал груды утвари на крохотной кухоньке и пытался различить отдельные элементы магнитной россыпи на холодильнике. Не произошло смены ракурса и когда в кадре появилась пожилая женщина. Она выползла из-за нижнего края экрана и двигалась спиной к нему, потому Жора и не видел её лица. Но по силуэту её седым коротким кудрям и старческим вздохам он понял, что лет ей было не меньше шестидесяти. Неспешно она подошла к окну, взяла с подоконника кошачий корм и, скрючившись, насыпала его в стоявшую на полу миску.

– Кыс-кыс-кыс, – прошипела она, а затем позвала своего питомца по имени. Венька – так его звали. Прозвище это ни о чём Дворовому не сказало, но голос женщины – низкий, хриплый, вот-вот готовый сорваться в кашель, – от него Жору брала оторопь. И виной был вовсе не сам этот звук, источаемый болезненной старческой глоткой, а скверное какое-то, порождаемое им, ощущение стыда. Вроде того, что задумал ты что-то недоброе, а мысли твои кто-то взял и подслушал. Вот как старуха эта, словно в спальне она в Жориной квартире в тот момент стояла и оттуда с ним разговор вела. Всё бубнила и бубнила что-то себе под нос, пока зверь её над миской весь трясся.

Вот уже и о пенсионерской жизни реалити-шоу устраивать стали, думал Дворовой, замечая про себя, что затея эта в общем-то вполне себе недурная в нынешних-то реалиях. Вот только поставлено всё как-то говённо. Хотя, какая жизнь, такая и постановка, заключил Жора, замороженно глядя на процессию и всё норовя сменить канал, но каждый раз останавливаясь. Старуха, будто бы вовсе не замечающая того, что её снимают, вскоре, безмолвно и смотря в пол, ушла из кадра, исчезнув под нижним краем объектива.

До чего же паршивое чувство она в нём, в Жоре поселила необязательным своим появлением. В груди у него словно стеклянный сосуд с водой сам собой образовался. Вода холодная, ледяная даже. Дрожать всему хочется, а нельзя: чуть одно неверное движение и сосуд тот лопнет и тебя же осколками всего изнутри изрежет. Подобное Жора испытывал в детстве, когда перед глазами его возникало изображение фоторобота какого-нибудь преступника, что смотрел вроде бы так отстранённо, а сам того и гляди уже забрался в шкаф и готовится нанести удар.

До чего паршивое чувство.

Может, если канал сменить, то полегчает, предположил Жора. Он нажал на «двойку», почти уже стёршующая с серой матовой поверхности пульта. На экране возникла девушка. Сидела в анфас и что-то всё клала себе в рот. Жевала, проглатывала, а потом снова клала. Крекеры или орешки. Всё она их у себя на языке размещала, развратно его так при этом высывая и улыбаясь попутно. Позади силуэта её, на пожелтевших обоях были рассыпаны бордовые ромбики, которые, если приглядеться, выстраивались в почти ровные ряды, иногда всё же сбивавшиеся, вероятно от криво подогнанных обойных листов. Девица сидела на диване, скре-

стив ноги и чуть сгорбившись. На мгновение экран резко потух, а затем картинка снова стала проясняться. Будто бы что-то черное сначала прислонили к камере, а потом стали медленно от неё отводить. Похоже, этим чем-то была спина. Мужская. Вот его фигура уже полностью оформилась и поместилась в квадратную панораму. Важничая, мужчина подошел к девушке и подал ей стакан воды. Посмотрев на него – как показалось Дворовому, – несколько напугано, она взяла стакан, немного отпила и, опустив голову, вернула мужчине. Секунд на пятнадцать он исчез из кадра, а затем вернулся, сел рядом с девицей и показал лицо.

Желая доказать себе, что всё наблюдаемое в эти минуты ему не мерещится, Дворовой прильнул к экрану почти вплотную, пока картинка не стала распадаться на множество крохотных прямоугольников – синих и красных. И пусть Жора в таком положении уже не видел лица персонажа, но зато он точно определял его по голосу. То был его сосед с первого подъезда, Григорий Константинович. То ли Воробьёв, то ли Воробушков. Ходили слухи, что второй вариант его фамилии был более вероятен, однако же мужчина, в силу своего непростого нрава, подправил её в паспортном столе. Но были кривотолки и куда более гадкие, касающиеся, например, его подозрительного безбрачия вот уже на протяжении лет этак двадцати. Поговаривали, что такой образ жизни Григория Константиновича в его полтинник с лишним связан был с его нестандартными предпочтениями в постели. Мол, мужчин он любил. Никаких, однако, доказательств тому ни у кого не было. Не появилось их и у Дворового, наблюдавшего, как его дряхлеющий одинокий сосед стягивал с юной леди колготки и попутно расхваливал её «маленькие, тоненькие ножки, как у пятиклашки».

Эти почти что случайно выпавшие из телевизора слова так наэлектризовали воздух, что наполнившее его беспокойство тут же кристаллизовалось и стало впиваться стекляшками во все открытые участки Жоринаго тела. И вонзались эти стекляшки тем глубже и больше, чем меньше одежды становилось на людях внутри телевизора. Растерянный, оттого озлобленный и оттого ещё более растерянный Дворовой нервно ударил по кнопке выключения. Ящик погас лишь со второго удара.

Спустя минуту Дворовой стоял на балконе, поёживаясь то ли от резко усилившегося ветра, то ли от только что увиденного у себя на кухне. Желудок его наполнялся остатками пива, а голова готова была затрещать от количества вопросов, которые мужчина даже толком сформулировать не мог. Оттого смятение переживалось им ещё более болезненно. Нехотя перебирал он картинки в голове: квёлый этот силуэт старухин с поступью знакомой да лицо соседа-извращенца, будто бы некий видеозаказ выполнявшего на потеху таинственных толстосумов, проживающих где-нибудь в Англии или ещё какой захудалой европейской стране. И всё Дворовому казалось, что была какая-то между ними странная связь. Между ним и этими людьми. Связь тонкая и, может быть, обременённая огромным количеством переменных; она действовала ему на нервы, сплетая из них вычурный эскиз, так неподходящий ко всему, что видел и знал Жора о себе и об этом мире.

Ему следовало проверить остальные каналы. Чтобы просто удостовериться в собственном здравомыслии. Угмонить разыгравшуюся фантазию. Либо же наоборот подтвердить безумную, как весь этот свет, теорию.

Когда Жора включил десятый, динамики стал разрывать объёмный, басистый женский голос. Такой голосище дай бог каждому! Он тоже казался Дворовому знакомым настолько, что резал слух вовсе не благодаря своей мощи, а ощущению какого-то вмешательства «из-за той стороны». Он исходил от женщины, чью фигуру закрывал образ подпирающего дверной косяк подростка, утопавшего в тени коридора, из которого и велась съёмка. Мать отчитывала сына за то, что тот сбрил себе брови. Потом она упрекала его в непослушании и угрожала тем, что лично попросит директора школы больше не удерживать там мальчугана.

– Лучше бы ты мозги себе побрил! – кричала она. – Может, они бы у тебя на место встали.

Чудаковатый малый. Всегда нелюдимый, со взглядом тугим и хмурым. Дворовой не видел его глаз, но узнал этого пацанёнка по походке, когда тот, преследуемый гнётом своей мамы, удалялся из панорамы экраны. По той же самой походке, какой он вышагивал, спускаясь и поднимаясь по лестнице, роняя при этом неловкое «здрасьте», когда встречал Жору на пути.

А теперь он просто взял и сбрил себе брови. Словно перепутав их с усами. С усами, что по какой-то странной прихоти человеческой природы выросли не в том месте лица.

И всё это происходило в этом доме. В его доме. Всё, что видел Дворовой в этой штуковине. И, похоже, происходило всё это прямо сейчас.

– Ты откуда взялся? – Жора обратился к телевизору, словно к своему старому знакомому, который считался погибшим вот уж как лет десять.

Никакой тебе антенны, никаких проводов, никаких вообще признаков того, что эта устаревшая штука могла рассказать о чём-то большем, чем о белом шуме, который, наверное, даже конспирологам уже не интересен. И всё же, эта машина точно знала, о чём готова была поведать миру, а может только ему, Дворовому. Получалось, что каждый канал был привязан к конкретной квартире согласно её номеру. И ромбики на обоях, в квартире у Воробушкина – разумеется, Жора там их и видел, когда дрель у соседа забирал. Но то было уже лет сто назад. И неужели сосед обои сменить до сих пор не смел? Нет, всё это были не те вопросы. Совсем не те. Они только сбивали. Дома у Дворового в кои-то веки чудо-агрегат неведомый объявился, а он всё об обоях думает!

Как всё это странно и причудливо. И совсем небезопасно, подумал Жора. Он весь встрепенулся и стал по комнате ходить, пока соседка та громогласная, что этажом ниже жила, порядки на кухне наводила, ругаясь и ненавидя всех вокруг так, что динамики у телевизора, казалось, в труху рассыпятся. А старуха та – это Лидия Алексеевна, стало быть. Та самая пенсионерка, что вечно клумбы у подъезда разбивает и следит потом яростно, чтоб никто по ним не ходил. Точно – и в первой квартире как раз обитает. Никак на восьмом десятке не может трёхкомнатные хоромы свои оставить или родственникам передать. Даже домой их к себе не пускает. Всё думает, что корью мутировавшей, специально в Украине выведенной, заразить её пытаются.

– Это что же получается, следят за нами значит? – полушёпотом проговорил Дворовой, чуть ли не дрожа. Он осмотрелся вокруг и тут же принялся каждый на кухне закуток разглядывать, каждый выступ и каждое углубление в стенах, шкафах и на окне с подоконником. Затем бросился в коридор, чтобы остальные помещения в квартире проверить, да только понял, что мест этих, откуда слежка могла быть устроена, ему и за ночь не облазить. Слишком уж изощрённой техника нынче стала – Жора даже сюжет об этом, увиденный как-то по телевизору, вспомнил. Там у одной женщины махонький прослушивающий чип в сумочке ейной всё время был, а она год вот так жила и не ведала ничего, пока сумку ту в туалете общественном не украли. А как вора нашли, так вся схема шпионская и вскрылась.

И с чего бы ему, Жоре быть уверенным, что кто-то из двенадцатой, шестнадцатой или двадцать четвёртой квартиры точно так же сейчас не следил за ним. Весь этот дом – единый организм, должно быть. И тогда сигнал в одной его части непременно либо вызывает отклик в другой, либо сам является результатом чьих-то действий – непреднамеренных либо хорошо спланированных. Всё – одна большая система. Хрущёвка – образ мышления, как брат Дворового и сказал. Зазнавшийся ублюдок.

Дворовой глядел в опустевшую на экране телевизора соседскую кухню и вдруг почувствовал себя полностью раздетым – не то, что без одежды, а даже без кожи. Негнушимися от волнения пальцами он ухватился за края занавесок, так уродливо смотревшихся на его кухонном окне, и попытался их задёрнуть. Те поддавались с трудом, будто бы потяжелели внезапно и многократно по чьему-то злому велению. Зашторив наконец окно, Жора пределал то же самое

и в остальных двух комнатах. Благо шторы везде были тёмные и плотные, никто значит сквозь них ничего уже не разглядит. Но это только полбеды. Эти штуки, они ведь где угодно могли быть запрятаны. Он вернулся на кухню, схватил пульт и включил пятнадцатый канал. То был номер его квартиры.

Чернота заполонила экран. Поначалу Дворовой даже обрадовался. Мол, вся эта теория его рассыпалась, оставив после себя лишь привязчивое, стыдливое ощущение помутнения рассудка. Но, присмотревшись, Жора увидел, что мгла эта, она будто бы была живой. Она змеилась и перетекала сама в себя, змеящуюся и переливающуюся всеми возможными оттенками тьмы. А сквозь черноту эту гул доносился, как от разгулявшегося в ночи ветра. Тогда-то Жоре и стало понятно – камера где-то в закрытом, тайном месте. В шкафу, может, или где-то в стене замурована. Эта догадка сильно облегчила Дворовому задачу. Он тут же помчался распахивать двери шкафов и вытаскивать оттуда всякие ящики и разные коробки, попутно заглядывая в углы и под все предметы мебели, куда могла протиснуться рука.

Он просветил все щели фонарём. Заглянул под ванну и в вентиляцию, но не нашёл ничего подозрительного кроме десятка дохлых и ещё пары-тройки живых тараканов, успевших от него ушмыгнуть и спрятаться в ближайшую щель. Вся ревизия заняла без малого полтора часа. Дворовой опасался, что сделал всё наспех и, возможно, стоило бы всё повторить, мол, и зрение ведь уже не то, и одеревеневшие суставы многого не позволяют. Но надо было передохнуть. Они всё равно его не видят. Чернота не исчезала с экрана ни на секунду, а значит *они*, скорее всего, до него пока не добрались.

Однажды, в каком-то документальном фильме на том познавательном канале, что работал в квартире Дворового только по ночам, он видел, как один голливудский мудака стал великим режиссёром благодаря тому, что в юности устраивал слежку за любимшим хаживать налево отцом. Он чуть ли не с гордостью рассказывал о том, что эта его страсть к подглядыванию помогла сделаться ему большим профессионалом. Надо же, какой гротеск – выбиться в люди только потому, что ты немного извращенец. Хотя, все они там наверняка, в этом Голливуде своём извращенцы.

Так и он, Жора, он тоже почувствовал себя немного извращенцем, схватившись за пульт и начав просматривать чужие квартиры одну за другой, пытаясь уже не столько понять, что происходило в эти минуты с его жизнью, сколько выведать какие-то грязные подробности жизни других людей. Он заглядывал к каждому по очереди. И чем больше знакомых лиц ему попадалось, тем ярче в голове его вырисовывались схемы шантажа, к которым прибегали разные негодяи из фильмов и так любимых его маменькой мексиканских сериалов. Но применить их в жизни, исходя из ситуаций, явленных на экране, представлялось задачей не самой простой. Ведь всё, что видел Дворовой на экране, было сущими пустяками. Кто-то из жильцов ругался матом, разговаривая по телефону, кто-то собирал себе в контейнер еду, вероятно, к завтрашней рабочей смене, другие дразнили своих собак, заставляя их выть не хуже тех пышных оперных дам, а съёмка некоторых обитателей этого дома и вовсе велась будто бы из кружки с чаем, что, по сути, тоже мало представляло интереса. Разве что в последнем случае Дворовому удалось разглядеть налёт на языке своего соседа, что в уже весьма взрослом своём возрасте жил с матерью и бабушкой, и оправдывался перед ними за позднее возвращение домой. Но никто из всех этих людей не делал ничего интересного. И в какой-то момент это стало вызывать скуку.

Этот чёртов шпионский ящик, он обманул его. А Жора, каков же дурак, повёлся на этот его жалостливый вид, будто щенка израненного домой принёс. А вознаграждением за добрый жест этот, как он посчитал, отчего-то должны были стать некие мрачные тайны, в которые на самом деле, никакого тайного знания и в помине не было. Реальность скучна, как хлебный мякиш. Все эти люди, головы и тела которых бесконечно мельтешили в кадре, вели самую обычную, заурядную жизнь, которую даже если бы Жоре и не удалось подсмотреть, то он бы наверняка смог её придумать своими обычными, зарядными мозгами. Эти неудачники, они

заставили его напрасно позабыть об ужине. Непонятно из чего слепленные тefтели, оставшиеся в гостиной, наверное, они уже заледенели, успев при этом пропитать своим жирным запахом всю квартиру, внутренности которой пока ещё были, к счастью, скрыты от постороннего наблюдателя. Но не вопрос «когда?» волновал Дворового, а вопрос «кто?» занимал его разум. Кто мог быть тем наблюдателем, так бесцеремонно вторгшимся в обыденное существование маленького, неприметного люда, населявшего эту бетонную коробку, стены которой окказались сильно тоньше, чем наверняка тут все думают. Бог ли, человек ли всё это творит. И из каких таких побуждений: добрых или злых? Тут и двумя вариантами не отделаешься.

Как-то в юности Дворовой прочитал рассказ про странную брешь в телефонной связи. Будто бы все жильцы одного дома стали слышать телефонные разговоры друг друга, просто снимая трубки и никому притом не звоня. И вот однажды, к возникшему там стихийному многоголосью подключился таинственный инкогнито. Он сразу же всех очаровал, а затем, пожелав удачи в делах, испарился, будто и не было его вовсе. Это был однозначный хэппи-энд той истории. Таковым видел её финал Жора в то время, когда только-только усы у него едва стали пробиваться. Теперь же, учитывая всю странность произошедшего с ним лично, концовка того рассказа уже не выглядела столь обнадеживающей. Что если автор его поведал читателю о начале апокалипсиса? О его зачаточной стадии. О том, каким удивительным, приятным и даже сладостным может быть его приход. Диабет ведь может развиться от одной конфеты. Гниющая свалка в десяток гектаров может разрастись из одной обёртки той конфеты. А чудовищный пожар может разгореться от одной искры, зародившейся от нечего делать где-то между этажными перекрытиями торгового центра, который ты кормишь каждые выходные, пытаешься накормить купленными там конфетами себя. И никто ни на что при этом повлиять не в силах, если словам Жориной начальницы верить. Похоже, иногда вещи случаются просто потому, что случаются. И никто в этом не виноват. Никто либо все сразу. А может, ни то, ни другое. Может, это только мы так думаем, что они случаются, а на самом деле всё давно уже произошло.

А что, например, могло произойти с Софьей Васильевной, которая, не исключено, что по-прежнему находилась где-то в этом доме? Только Дворовой о ней подумал, как панораму разума его заполонил вновь её широко распахнутый рот, который иногда она, впрочем, прикрывала, чтобы нашептать что-то легкомысленное и безнравственное на ухо не Жоре, а какому-то пройдохе из соседнего подъезда. Дворовой искренне желал, чтобы всё это так и осталось лишь его кошмарной фантазией. В столь позднее время женщине этой следовало бы расхаживать по своим апартаментам и спорить со своим деспотом-мужем. Так наверняка и было.

Но она всё ещё могла быть здесь. Где-то совсем близко.

И она была.

В семнадцатой квартире. Всё это время она была там. До чего же мерзко, но в то же время волнующе было это ему, Дворовому осознать. Софья Васильевна сидела на кровати в одной только, похожей на мужскую, рубашке и ела йогурт. Худая, длинноногая, с небрежно прибранными назад волосами, то и дело спадающими на плечи. Такая непривычно нежная, она сидела и что-то говорила, пока через неё туда-обратно пробегала чья-то серая тень.

– Я думаю мы переступили черту. Как думаешь, в каком возрасте это происходит? Когда люди начинают понимать, что они зажрались? И почему? Почему так происходит? – спрашивала она как бы сама себя, облизывая крохотную десертную ложку. Дворовой вывел громкость до максимума, пытаясь, стоя на коленях перед телевизором, не только уловить, но и цепко сжать, а затем разобрать каждое слово этой женщины на слоги и буквы. Они мягко проникали внутрь него, действуя одурманивающе. Он трогал ее ноги, а те распадались на пиксели под его мозолистыми пальцами. Она всё говорила и говорила, время от времени ехидно смотря куда-то в сторону. Она рассказывала изредка мельтешащей там тени о своих сокровенных желаниях. Говорила, что фантазировала об изнасиловании. О том, как ей овладевает какой-нибудь налетчик или грабитель. Говорила, что не прочь повернуть это втроём; что нередко представ-

ляла, как участвует в оргии чуть ли не с половиной мужчин, работающих у неё в подчинении. Молодые, старые, сильные и плюгавые слюнтяи, все они устлали пол огромного холла, в центре которого лежала она, извиваясь в блаженстве и изливаясь своими женскими соками. Она всё это говорила. А слева на неё смотрел лик Девы Марии, державшей на руках младенца. Металлическая статуэтка, стоявшая на прикроватной тумбе, нервировала Дворового, заставляя отводить глаза каждый раз, когда взгляд его случайно падал на это миниатюрное, но по виду весьма увесистое изваяние.

Потом Софья Васильевна встала, сверкнув своими крохотными зелёными трусиками, и исчезла из кадра. Её таинственный спутник так и не показал своего лица и не обронил ни единого слова, которое могло бы пролить хоть немного света на его персону. Квартира эта долгое время пустовала: бывший её хозяин отбывал очередное своё наказание то ли за кражу, то ли за разбой. Может, и за всё сразу. Жора вообще не был особо силён в уголовных вопросах, считая, что законодательство в этой стране сильно осложнено и даже как-то головоломно. Он прождал ещё с полчаса, но в комнате, к тому моменту уже утопавшей в ночной темноте, никто так и не объявился.

Было за полночь. Дерьмовое время для сна. Тем более, что никакой «Discovery Channel» колыбельную в нынешних обстоятельствах не споёт. Никто не прикрикнет с экрана озлобленно, отстаивая национальную идею. Никто не предложит собрать буквы в единую цепочку. Но ничего этого уже и не надо было. Собственное Жорино воображение теперь было способно рисовать картины куда более захватывающие, чем всё то, что транслировал ему прежде телевизор. Повинуясь им, Дворовой удобно разместился на своём любимом диване, обхватил двумя руками член, и принялся воплощать в свою воображаемую жизнь все те ненароком подслушанные фантазии своей досточтимой распорядительницы.

Кончив дело, Жора с растекающимся по телу блаженством и счастьем на лице лежал и смотрел в потолок, покрытый петляющими сумрачными узорами. Он всё пытался распознать в них какую-то подсказку, точно мальчишка, предвкушающий большой праздник с гостями, конфетами, воздушными шарами и неожиданными сюрпризами, и от возбуждения этого не способный заснуть.

Все свои великие подарки судьба даёт человеку только тогда, когда готовится что-то у него отнять. Это происходит, потому что так совершается справедливый, по её мнению, обмен. Судьба – она женщина, а значит женские свои надобности, ей должно удовлетворять в порядке первой очередности и несмотря ни на какие обстоятельства. И надобности эти, само собой, возникают точно землетрясение, которое никак нельзя предсказать даже в век, когда ученые засунули свои телескопы внутрь солнца. Знания, стало быть, и прогнозы все эти – вещи, по сути, бесполезные, думал Дворовой, ощущая медленное своё про падание в зоне слепого ночного беспамьяства. И в этом своём забвенье мужчина уже приготовился было вскинуть руки в молитве, которой его еще бабка учила, но посланные к мышцам нервные сигналы рассеялись, будто свет, проходящий через грозовое облако, и тогда стало совсем темно.

«Отче наш. Иже еси на небесех!»

Дворовой знал, что Софья Васильевна попросит забрать её с того же места, что и накануне. Он даже поставил будильник на час раньше, чтобы только проследить за ее изворотливыми перемещениями между точками А, В и С. Едва стало светать, как мужчина побежал на кухню. В семнадцатой квартире, на том месте, где вчера его начальница изливала душу блуждающей по комнате призраку её любовника, сейчас не было никого. Кровать была заправлена, и никаких тебе теней или шёпотов. Когда Софья Васильевна позвонила Жоре, голос её звучал непривычно мягко и чуть стыдливо. Заговорив, она тут же возникла на экране телевизора: что-то искала в прикроватной тумбочке и поправляла на себе одежду. А Дворовой лишь поддакивал, глядя в этот момент прямо на неё. Когда она ни о чём не подозревала. Даже помыслить ни о чём не могла. Даже если бы захотела. Но на миг – на самую секунду – ему показалось, что

женщина что-то поняла. Глаза её хитро прищурились, целясь прямо в экран. Жору прошиб пот, и ему захотелось тут же спрятаться под стол. Но потом, дав все необходимые распоряжения и повелев сегодня ехать без неё, Софья Васильевна ушла.

Смотреть на неё как вчера Дворовой уже не мог. За её огромными выпяченными губами раскрывалась пропасть, по размерам сопоставимая с её невыраженной сексуальной агрессией и голодом. Диковинность её желаний проступала сквозь невыглаженную, но обтягивавшую грудь, блузку и сквозила в словах вроде «извивалась» или «владение». Начитанность и какая-то выученная интеллигентность позволяли ей и раньше сдабривать свои развесистые монологи не самыми уместными словами, но теперь такая её особенность виделась Жоре чем-то совершенно иным, нежели он привык то воспринимать.

Вечером Дворовой, сделав вид, что уехал домой, устроил за Софьей Васильевной слежку. Осторожно, без её ведома, он проводил её до дома, а спустя полчаса ожидания отправился дальше по стопам везущего её «Лексуса» – как выяснилось затем, – прямо до родной Жориной обители.

Женщина приближалась к подъезду, всё так же оглядываясь и едва наступая на асфальт, как бы немного паря над ним, чтобы только не оставить следов. Дворовой же весь вечер был прикован к телевизору, делая короткие передышки лишь для того, чтобы сходить в туалет. Запах вчерашнего ужина, всё ещё портящегося на столе в гостиной, казалось, был уже повсюду, и сколько бы Жора не намеревался выбросить скончавшуюся еду, у него всегда находились дела поважнее. Софья Васильевна ведь что-то говорила про нападение и изнасилование. Это будет выглядеть вдвойне эффектно, если, например, надеть балаклаву. У него был целый ящик старых, давно невостребованных шапок, идеально бы сошедших за этот атрибут.

Он всё думал, как бы повернуть это дело на практике. Чтобы это было красиво. Чтобы это было уместно. Чтобы это было по-настоящему неожиданно и оттого прекрасно. Эффектно! Хорошо, что в своё время он обзавёлся чипами от каждого подъезда в этом доме. Он мог бы войти незамеченным. Постучать в дверь, одним толчком распахнуть её, как только она отворится и сжать одной рукой челюсть Софьи Васильевны, а другой – начать стягивать с неё трусы, пока растерянный её любовник за всем этим наблюдает. Но всё то было лишь фантазией. Такое намерение, наверняка, никогда бы не стало для Дворового истинным.

И пока он терял время, Софья Васильевна лежала на чужой кровати в одном белье. Её голова была запрокинута чуть назад, будто женщина находилась без сознания или спала. Но иногда на лице её проскакивала улыбка, которая была заметна даже через низкокачественное изображение кинескопного телевизора. Глаза её тоже иногда приоткрывались, взгляд пробежал по кругу, а затем снова уходил сам в себя. Через минуту в кадре появилась крепкая мужская фигура. На нём были чёрные, широкие штаны, плотный свитер и... балаклава.

Это мог быть он, Жора. Но не был. Весь вспыхнув яростью, Дворовой побежал в спальню, распахнул шкаф с одеждой и вывалил из верхнего ящика все вещи, что складировал туда по окончании зимы. Образовавшаяся на полу куча лишь ещё больше вывела его из равновесия, отчего он, не понимая, что нужно делать, ринулся обратно на кухню.

Там всё уже происходило.

Он закрывал её всю. Своим телом. Её тоненькие ножки дрыгались по обе стороны от обнажившегося овала задницы налётчика. А её руки хватили его за свитер, как бы пытаясь оттащить от себя злодея, будто никто и не давал согласия на эти его действия. Она кричала, призывая его остановиться, поливая его оскорблениями и угрожая засадить его за решётку. На что он только закрывал ей рот и ещё глубже засаживал в неё самого себя. И всё это будто и должно было быть именно таким, поставленным по наспех написанному сценарию. Всё это он, Дворовой видел уже несколькими часами раньше в её лице, в её огромной пропасти рта. Такой ненасытной и всепоглощающей. Они издавали странные звуки. Целую смесь звуков, напоминавших то крики тропических животных и птиц, то неумелую игру на расстроенных музыкаль-

ных инструментах. И всё тряслись, тряслись и тряслись, будто старая стиральная машинка, уже мало на что пригодная, но всё еще используемая хозяевами по привычке или, скорее, от безденежья.

Казалось, что ситуация уже была близка к разрешению своим естественным путём. Налётчик стал рычать и замедляться, впиваясь при этом лицом в шею Софьи Васильевны. Она взвизгнула, будто он раздирал её кожу зубами. Так подумал Дворовой. В этот момент женщина вскинула руку к прикроватной тумбе, схватила стоявшую там статуэтку Девы Марии и огрела ей насильника по голове. Удар квадратным основанием статуэтки пришелся на затылок. Затем она сделала это ещё раз и ещё, ударив в висок. Всё было и впрямь как в кино.

Налётчик замер, чуть приподнял голову, а затем тут же обмяк, уткнувшись лицом в лежавшие на подушке растрёпанные волосы Софьи Васильевны. Она, казалось, потеряла сознание, как и он. Тело её сделалось обездвиженным, и только лёгкое женское постанывание, напоминавшее собачий скулёж, пробивалось сквозь корпус телевизора. Затем женщина встрепенулась и стала вся извиваться, пытаясь то ли скинуть насильника с себя, то ли выползти из-под него. Второй вариант оказался эффективнее, и вся зарёванная, голая Софья Васильевна поспешила скрыться от незримого наблюдателя, удалившись из комнаты.

Ей нужна была помощь. И даже если Дворовой мог в этом вопросе ошибаться, он чувствовал себя обязанным эту помощь ей оказать. А если она откажется, то он должен будет её навязать. Потому что теперь они едут в одной упряжке. И это уже не просто выписка из его должностной инструкции.

Стоя в ожидании, пока кто-то откроет ему дверь, Жора больше всего переживал за то, что мог попросту опоздать. Что за какие-то три минуты след женщины мог простыть из этой квартиры и этого дома. Он слишком долго думает. Всегда слишком долго! Уж и не сосчитать, сколько раз Жору подводило это его качество, которое другие, великодушничая, называют предусмотрительностью. Люди вечно не по делу отпускают свои комплименты, которые потом кто-то принимает на веру, что подчас и определяет всю дальнейшую жизнь человека, так настойчиво пытающегося найти выход из лабиринта собственных заблуждений.

Жора, разумеется, в силу своей этой лжепредусмотрительности не сразу сообразил, что прятаться за закрытой дверью и не открывать её – это модель поведения в подобной ситуации в общем-то вполне оправданная и даже закономерная. Тогда он сменил тактику, перестав настойчиво стучать в дверь, и просто позвонил своей наверняка испуганной и зажатой в тиски обстоятельств шефине. Он расслышал сигнал её телефона, прислонившись ухом к двери. Но женщина отклонила вызов, и мелодия тут же заглохла. Жора набрал ещё раз – всё повторилось. Он услышал, как звонко она выругалась, назвав Дворового юродивым прихвостнем. А его совсем это не обидело. Его всегда восхищало её умение подбирать запоминающиеся и, как ему казалось, немного возвышенные определения. Пусть даже подобные слова произносились со злостью или раздражением в голосе. Но умным женщинам всё прощительно.

– Софья Васильевна! – прокричал он в дверь. – Это я, Жора! Я помочь вам пришёл.

Если и этот его позывной не получит отклика, то тогда Дворовой уберётся восвояси и больше не побеспокоит её. По крайней мере, сегодня. А, может, никогда.

Только он вознамерился уходить, как замок заскрежетал, дверь подалась назад и в образовавшемся проёме возникло раскрасневшееся лицо Софьи Васильевны.

– Ты чего тут делаешь, Дворовой? – как бы для приличия спросила она, глядя в пол.

– А я... я, Софья Васильевна... Я тут...

– Господь всеобъемлющий, да входи ты!

Жора несмело переступил порог и учуял запах старья. Старьё, видимо, всегда остаётся старьём – что сейчас, что тридцать лет тому назад. Время не властно над этим запахом, сотканным из подгоревших оладий, пыли и заношенных до дыр вещей. Дворовой запомнил этот тяжёлый аромат ещё тогда, в детстве, когда ждал, пока переоденется его новый друг Виталька. Дру-

гом Жориным он был, правда, недолго – со временем примкнул он к компании более старших мальчишек, что учили его дурным вещам. Впоследствии им научившись, Виталька приобрёл столь же дурное прозвище – Мелкая Падла. И хотя тех, кто дал ему такую кличку, уже давно нет в живых, характеристика эта продолжала бултыхаться в головах людей, остерегающихся его выходок в короткие периоды между отсидками. Наверное, теперь здесь наконец появятся новые хозяева и новый запах, подумал вдруг Жора, совершенно не заботясь о том, какая история ляжет в основу появления этого нового аромата.

– Ты чего, живёшь здесь? – прервала его мысли Софья Васильевна, сидящая на диване и разглядывающая собственное тёмное изображение в стареньком, не работающем телевизоре.

– Угу. А вы не знали? всю жизнь как. Живу, добра наживаю. А оно всё не наживается как-то.

– Под лежащий камень-то вода не течёт.

– А это тут при чём?

– Есть сигарета?

– Вы же не курите, Софья Васильевна.

– Сейчас самое время. – Женщина вернулась в прихожую и стала шмонать висящую там мужскую куртку. Дворовой тем временем отправился в спальню, где всего несколько минут назад всё произошло.

Мужская туша, небрежно лежавшая на животе, напоминала огромную тряпичную куклу. Руки этого человека в реальности казались непропорциональными и распухшими, а выпячивающиеся из штанов оголённые ягодички выглядели словно сложенные рядом две буханки хлеба. Голова облачённая в балаклаву, прятала лицо, но глаза и губы (последние оставались открытыми), смотрелись как нарисованные или вовсе пришитые, точно заплатки.

Напротив кровати – там, откуда, как считал Дворовой, велась съёмка, висело зеркало. Под ним стояла старая деревянная тумба с лакированной дверцей. На ней – букет из трёх искусственных лилий в стеклянной вазе, щедро декорированной всяческими завитушками и лепестками. Дворовой приподнял горло своей футболки, закрыв ею пол-лица, пытаясь таким образом скрыть собственную персону от того, кто ещё мог быть свидетелем инцидента и также продолжать вести наблюдение, транслируя попутно картину всем, кому ни попадя. В таком виде Жора подошёл к зеркалу и попытался снять его одной рукой, придерживая второй на лице футболку. Потерпев неудачу, он полностью натянул майку на голову и почти вслепую убрал зеркало со стены. За ним ничего не было. На самом стекле мужчина тоже не увидел ничего подозрительного. Ясности не внесла и ваза с искусственными цветами. Жора спрятал их – от греха подальше – в тумбу, которую затем отодвинул, и обнаружил за ней только кусок отходящих от стены обоев. Они прикрывали собой побледневший орнамент старого настенного покрытия. Но никаких тебе щелей, выступов, лампочек, кнопочек или пуговиц.

– Ты что делаешь? – голос начальницы испугал мужчину, и он, встрепенувшись и стыдясь собственного смятения, принялся оправдываться.

– Так ведь, всё надо проверить, – сказал он, глупо улыбаясь. – Вдруг улики какие где остались.

– Знаешь, было бы мне в действительности какое-то дело до всего этого, я бы с тебя три шкуры спустила, только чтобы понять, как ты тут, твою мать, оказался и как с этим связан. Но беда в том, что мне всё равно.

– А чего тут объяснять. Мы все друг с другом связаны, – Жора попытался добавить своему голосу таинственности, но выглядело это нелепо и наигранно. Мы пока сами не понимаем как, но точно связаны. Я с вами, вы – вот с ним, – кивком указал Дворовой на тело. – Он, наверняка, со мной. – Жора подошёл к туше, аккуратно взялся за балаклаву, предварительно обернув руку тканью простыни, и потянул её вверх. А затем промолвил с изумлением: – А ведь и правда!

– Так сосед же твой. Он, может, и не умер вовсе. Сотрясение, скорее всего. Вот и лежит без сознания. А может и актёрствует! Ёбарь-террорист! Скорую вызвать надо, – сказала шефиня, сама в свои слова не веря.

– Он не дышит, Софья Васильна. А вы знаете, сколько раз он по башке за свою жизнь получал? И это только на воле. Когда-то должен был и последний раз наступить. – В Жорином голосе послышалось злорадство. – Немало он крови попортил тут всем. Так что, заполучил своё. Кровь за кровь. Мне его вообще не жалко ни чуточки. Я одного, Софья Васильна, не пойму. Вы как с ним... ну.. как вас свело с ним? Я вот про что. Вы же вроде...

– Твою ж мать, да что ты знаешь, Дворовой? – не дослушав, начала она. – Думаешь, знаешь людей? Люди, они существа странные. Никогда ты по их словам и поступкам не узнаешь, кто они да что они. Можно домыслить, нафантазировать там себе что-то, эмпатию проявить. Понять мотивацию, – протягивая последнее слово Софья Васильевна скривила в отвращении лицо. – Да хрен там, а не мотивация! Эту мотивацию только всякие критики доморощенные и придумали, чтобы эрудицией своей сверкать на пьянках пятничных. А человек, он сложнее. Вот так стрельнёт в нём что-то однажды, как резинка натянутая, срок свой измотавшая, порвётся – и всё, понеслась! Нет тут больше никакой мотивации. Лопнула она, рассыпалась. Только суть! Звериная причём! И иррационализм чистый, какой только у человека и бывает. Сложные они существа, люди эти. Непонятные. Это раньше чужая душа была потёмками. Сейчас это уже непроходимая топь. Чернушная болотная вязь. Ой, да что я тут тебе объясняю...

– Мудрёно вы, однако, Софья Васильевна, говорите. Но мне-то по нраву, вы не подумайте! Был у меня знакомый тут один по зиме. Мозговитый парень, тоже всё в манерах таких же говорил. Про мироустройство всё вещал, про многослойность какую-то человеческую, а я всё слушал и отвести ушей не мог. Двадцать лет всего парняге было или около того, а на каждом слове его я как на крюке вешался воротником. Если так вообще сказать можно, конечно. Я вот думал всё раньше, что людей таких, их, мол, только где-то в лесу глухом или в бункере подземном встретить можно, а теперь вот вижу, что они среди нас ходят. И впрямь странные, и никому ведь этого не распознать. А парень тот, он мне ещё меня самого напоминал. Вот вылитый я, двадцатилетний. Только у того все глаза страхом каким-то проедены были. Он когда ко мне вплотную почти, лицом к лицу приблизился, так я в зрачки его широкие заглянул, а там – вот не поверите, Софьявасильна, – космос, не иначе. Холодный такой, хоть и со звёздами.

– Дворовой, прекрати! Замолчи немедленно! Ведёшь себя, как психопат ущербный! Я что тут, байки твои слушать должна?!

– Так вы, Софья Васильевна, до конца-то дослушайте. И поймёте всё. Я ж неспроста всё это говорю. – Глаза его заблестели, а в голосе послышалось какое-то кокетство. – Я парнишку того спас тогда, можно сказать. Его в подвале кто-то закрыл, а я мимо проходил. За пивком выбирался, время уже под полночь было. Прохожу мимо, слышу, кто-то стонет из-за двери. Я, грешным делом, подумал, что пьяница какой-то из подъезда выйти не может. Постоял и пошёл дальше. А потом слышу: «умри, глиста! умри, глиста!». А ещё имя моё словно бы прозвучало. Но это, может, я уже сам себе нарисовал. От возбуждения. Ну мало ли, я ж под этим делом ещё был, – Дворовой ударил указательным пальцем по горлу. – Но домой поторопился, всё там бросил, ключи только от подвала взял и побежал обратно. У меня же ключи эти ото всех подвалов остались ещё с прошлой работы. Хотя, знаете, Софья Васильевна, кому надо – тот и без ключа всё откроет! Так вот, отворил я дверь, а на меня парнишка – молодой, с головой побритой, с усиками еле видными и голый почти – чуть ли не сваливается. Говорит, неделю там просидел. Кто его там закрыл? А шут знает! Я тогда домой его привёл, накормил, напоил. Он мне там и рассказал, что болезнь у него такая, особенная. Астероидный гиалоз – я на всю жизнь запомнил. А до того и не слышал никогда. Вот куда он ни посмотрит, всюду перед ним то мухи летают, то черви копошатся, то дождь льётся. Чёрный. И никакой жизни у него нормальной с этим вот дождём. Всё вокруг только через дождь этот да мух видится. Что одним

сад яблоневого, понимаете ли, другим – чистилище. И откуда у него болезнь эта взялась, не знает никто!

– Ты меня что-то утомил своими байками. У нас тут каждый второй в мухах да червях. А ты мне про наркомана какого-то травяешь тут. Про генезисы свои тут истероидные! Кто-то, понимаешь ли, с мухами этими и червями полжизни прожил за шиворотом. И когда думаешь, что все они там уже повывирали нахрен, выясняется, что там уже потомство ихнее в пятом поколении живёт и процветает! И это совсем не то же самое, что наркоманам всяким конченным после дозы мерещится! Убирайся вон!

– Я у него, Софьявасильна, спросил потом: «а ты чего там делал-то в подвале этом?», – продолжил Жора, будто не услышав требования начальницы. – А он мне говорит: «трупиков, мол, прятал». И ржёт! А потом добавил, что, мол, там отсек такой удобный. В стене. Мол, всё равно туда не сунется никто. Никаких там коммуникаций не проложено.

Затем Дворовой неожиданно замолчал и стал пристально на губы Софьи Васильевны смотреть, что всё ёрзали друг по дружке, не позволяя тем самым задержаться на лице женщины ни одной только-только возникшей эмоции.

– А я же сходил потом, всё проверил. Есть там и правда отсек такой. Трупиков вот только не нашёл, хотя запашина такой стоял, будто целый дом людей прям там концы и откинул. Вы, Софья Васильевна, понимаете, о чём я?

Не прошло и десяти минут, как Жора рылся в ящике своего огромного, доставшегося от матери шкафа, ища ключи от подвала. Найдя, что искал, он поторопился обратно, но перед тем забежал на кухню, включил телевизор и, выбрав 17-й канал, уставился в экран, отказываясь верить своим глазам. Мелкая Падла лежал на месте. На месте была и «камера». Не сдвинулась ни на сантиметр, будто Жора зря там по комнате этой мебель по углам распахивал, от глаз посторонних пытаясь скрыться.

Не в камере ни в какой, стало быть, дело. То были уже не происки хакеров, телевизионщиков или спецслужб. Насчёт последних, впрочем, можно было бы ещё подумать. Хотя, зачем им соваться сюда, в самый край города, о котором и не услышишь даже ни из уроков географии, ни из новостей. Всё это походило на чью-то ошибку. На некий сбой в базе данных. Во всемирной базе данных, обрабатываемых каким-нибудь квантовым суперкомпьютером, что вот уже не первый год изобретают учёные по всему миру. Дворовой слышал об этом из какого-то документального фильма. Жора этот фильм хорошо запомнил, и даже не в силу своего содержания, а просто потому, что после него сразу «Матрицу» с Киану Ривзом показали. До чего же Дворовой ненавидел это кино. Однако же, перед величием Голливуда сейчас готов был почти что сдаться, сжавшись вместе с тем в молекулу, только чтобы глубже проникнуть в природу происходящего, в этот маленький мирок безумия.

Софья Васильевна даже не потрудилась закрыть дверь не то, чтобы на замок, но та даже не прилегла плотно к косяку, отчего оказаться в злополучной квартире той мог любой желающий и нежелающий стать свидетелем свершившегося там преступления. Дворовой, конечно, отчитал свою шефиню, покуда его положение по отношению к ней и трепетные чувства то сделать позволяли. Она никак не отреагировала, продолжая потрошить шкаф на предмет какой-нибудь пространной тряпицы, коей можно было бы обернуть труп. Найдя плотное коричневое покрывало, женщина укрыла им тело, устало при этом что-то бурча себе под нос.

– Дворовой. А ты как его нести думаешь? В нём же килограмм восемьдесят. Как бы не больше.

– Так я думал... мы с вами... вы мне поможете. Я ж один...

– Ещё чего не хватало. – Фыркнув, женщина вышла из комнаты и, усевшись на диване в гостиной, снова закурила. – Ну, хорошо. Но время-то ещё детское. Ты показательное выступление устроить хочешь? Дурья твоя башка, – прокричала она.

– Мда... придётся нам с вами, Софья Васильевна, подождать пару часиков, пока все не улягутся да не стемнеет окончательно. Может, мы пока порядки наведём с вами? Вы мне помогите его только до коридора унести хотя бы. А потом мы тут следы все ваши подотрём... и мои, – стыдливо подметил Жора. – Да вы не переживайте так. Всё равно никто его не хватится. Родни у него тут нет. Да и была бы – сдался он им такой! – Дворовой, стоя в дверном проёме, попытался ободрить начальницу, но та едва смотрела в его сторону, кидая лишь время от времени отвлечённые фразы, по Жорину мнению, почти ничего не значащие.

– Человек без рода, что хлебное семя, даром в земле пропавшее, – сказала она.

– Умно. Вашего авторства?

– Нет, – подумав немного, сказала Софья Васильевна, утвердительно при этом кивая головой. – На баннере прочитала, пока сюда ехала. Вот и приехала, – выдохнула она и достала ещё одну сигарету. Докурив, она помогла своему сообщнику вытащить тело в коридор, обернув его покрывалом, и они с Жорой принялись заматывать следы – так, как позволяла им фантазия и знания, когда-то случайно почерпнутые из американских криминальных кинолент. В большом количестве Жора их, правда, не видел и оттого даже упрекнул сам себя, что не на то, мол, время своё свободное тратил. Поэтому делали они всё неумело, молча и как-то даже необязательно, будто оба понимали, что всё равно никакой ответственности за случившееся не понесут.

Перед тем, как начать спускать тело в подвал, Дворовой проверил, всё ли спокойно на улице. Только так, с крыльца можно было попасть в подвал, и потому, подействовав сообщники вслепую, полагаясь исключительно на удачу, они вполне могли бы встретить на своем пути какого-нибудь малоприятного, особо любопытствующего субъекта. Но судьба им благоволила. Так заключил сам Жора. В тот момент в его голове рождались на удивление светлые и даже какие-то поэтические мысли, озвучить которые он всё же стеснялся, дабы не выглядеть глупцом. Но разве глупец соорудил бы такой план? Вполне вероятно. Как и то, что глупец запросто согласился бы на подобную авантюру из-за дефективной какой-то любви, которая, впрочем, и не любовь вовсе, а похоть скорее всего, доведённая то ли до рефлекса, то ли до невротической привычки. Но люди, они ведь странные.

– Тяжёлый какой, зараза! Это хорошо, что первый этаж всего. Это нам с вами, Софья Васильевна повезло ещё, – Дворовой будто бы успокаивал сам себя, кое-как волоча обернутое в ткань закоченевшее тело, ухватившись за кусок покрывала со стороны головы. Софья Васильевна подталкивала мертвяка за ноги, при этом склоняясь перед своим подчинённым, что, конечно, необычайно радовало Жору, уже успевшему соорудить себе перспективу их спешного бегства из страны. При её-то деньгах и его стратегическом уме вкупе с наблюдательностью, позволявшей видеть буквально сквозь стены, им точно всё нипочём будет.

– Ничего хорошего в этом нет. Ни с каких сторон, – говорила Софья Васильевна, готовая, казалось, взять и убежать прочь из этого проклятого дома с его проклятыми жителями, приотворяющимися чёрт знает кем, вытворяющими чёрт знает что и сующими всюду свой поганый нечищенный нос с торчащими оттуда слипшимися волосами. – Я вот думаю, Дворовой, для полного счастья хорошо бы его распотрошить и органы его толкнуть на чёрном рынке.

Мужчина остановился и посмотрел на неё чуть испуганно, пытаясь при этом улыбнуться и как бы ожидая на то разрешения своей достопочтенной распорядительницы.

– Да твою ж мать! Знаешь, слово есть такое: сарказм? Не, не слышал? Ну чего встал-то? Хочешь на соседей своих нарваться? Мне, допустим, самой свою шкуру отмыть от этого труда не составит. У меня связей хватит. Ты и сам знаешь. Но вот за двоих уже как-то сложнее ходатайствовать. Тем более в таком деле... интимном.

– Какие ж тут соседи? Они всё равно либо пьют сейчас безвылазно, либо предпочтут вид сделать, что не заметили ничего. Да и не надо за меня, Софья Васильевна, ходатайствовать, – Жора взял тело и потащил его дальше, к двери, ведущей на крыльцо. – Мне уже за что бороться-то. Я человек мелкий, не особо нужный. Может, вредный даже в чём-то.

– Ты дверь распахивай, а не душу мне свою. Вот этого точно не нужно, – сказала начальница, не скрывая презрения.

В подвале дурно пахло. Будто бы процесс гниения, начатый бог весть когда, проник так глубоко в эти стены, перегородки, трубы и провода, что стал уже чуть ли не единственной характеризующей этот дом функцией. Просто остальная часть сего строения об этой функции не знала. Пока что.

Спускаясь по подвальной лестнице, Дворовой старался не дышать глубоко, дабы не подхватить какой-нибудь заразы, витавшей в пропахшем плесенью воздухе. Но даже кожей Жора чувствовал, как нечто незримое касается его шеи, шиколоток и рук, заставляя вздыматься каждый волосок и как бы намекая на то, что эта территория подчинена правилам, на которые не в силах повлиять случайно заблудшие путники. И которых они не вправе послушаться.

– И ещё чуть-чуть. Раз, два. Бросаем его здесь, – распорядился Жора, когда он и Софья Васильевна оказались в углу подвальной комнаты. Там, где стены помещения должны были смыкаться, был выдолблен проём. Из него открывался какой-то коридор, затянутый непроглядной темнотой. Проход был узким, отчего поместиться там вширь могло не больше одного человека. Жора даже успел засомневаться, удастся ли впихнуть в этот коридор Падлу, но оглядев тело ещё раз, пришёл к выводу, что не так уж он, подонок этот, и велик, каким запомнился изначально. Чёртов зомбоящик. Вечно он всё преувеличивает.

– Дальше один справишься? – В сырой прохладе голос Софьи Васильевны звучал отчего-то совсем сухо, будто вопрос её касался починки табурета, а не сокрытия мёртвого тела где-то в катакомбах пятиэтажки.

Дворовой угукнул, попросив только напоследок свою распорядительницу сделать ему подарок в виде поцелуя, но тут же списал всё на шутку, как только завидел её искажённое злобой лицо, что в желтушном сумраке выглядело почти демоническим. Женщина торопилась покинуть это место, по пути всё спотыкаясь о валявшиеся всюду осколки стройматериалов и лениво осыпая проклятиями всё и вся. Но Жору это уже не волновало. Он знал, что теперь между ними есть нечто большее, чем просто рабочие отношения и грязные секреты начальницы. Теперь это были *их* совместные грязные секреты. Когда голос шефини стих за захлопнувшейся с грязным металлическим звуком дверью, Дворовой принялся за завершающий акт похоронной процессии.

– Что был, что не было его. Разницы никакой, – пробубнил Жора, преодолевая себя и пытаясь втащить тело в тёмный коридор. Протиснувшись внутрь, Жора схватился двумя руками за плечи Падлы и стал утягивать его вовнутрь, продвигаясь при этом задом наперёд. Там было совсем темно – настолько, что Дворовой в какой-то момент перестал различать собственные очертания. Он даже не успел понять, как это произошло. Темнота внутри этого коридора не заполняла пространство постепенно по мере продвижения Жоры. Она просто включилась в какой-то момент сама собой. Как по щелчку пальца. Там, в подвале, наверное, погас свет. Дворовой не видел больше впереди себя того грязно-желтого прямоугольника, из которого он только что ступил в эту адскую пещеру, в которой не осталось ни единого грёбанного фотона. Теперь мрак и сгущающийся холод начинали рисовать Дворовому новые контуры, неосязаемые ни глазами, ни на ощупь. Они нигде не начинались и не заканчивались; в них не было ни единого ориентира, который бы указал на причастность человека к этому, земному миру. Такому обычному, заурядному, но вместе с тем совершенно неподвластному для понимания.

Жора запаниковал. Бросив тело, он поторопился уйти отсюда прочь. Он двигался интуитивно, выставив руки перед собой и не обращая внимания на то, что ноги его топчутся по чьему-то туловищу, не позволяя сдерживать равновесие и почти роняя его самого. Дорога наружу казалась в разы длиннее, чем путь, проделанный сюда, в эту странную слепую зону, словно специально задуманную кем-то для сокрытия человеческих ошибок или списания их

несовершенств. Страх застрять здесь навсегда стал вдруг таким плотным, что, разойдясь вместе с кровью по всем Жориным конечностям, едва не разорвал их на части.

– Софья Васильевна! – попробовал прокричать Дворовой, но слова его тут же испарились. Тогда он сделал ещё одну попытку и, поняв, что полностью лишился слуха, стал совсем судорожно как-то двигаться и едва ли не биться как сумасшедший о стены, которых, впрочем, он тоже не чувствовал.

Ну вот и всё, думал он. Вот и всё. Это надо же было так проглядеть собственную смерть. Всё, значит, было совсем не так, как он то запомнил. Упустил он, стало быть, тот момент, когда судьба его решилась. И кто эту судьбу за него решил, не узнать ведь. Отправили его в мир иной без его же ведома. Вот он какой, мир этот. Так, наверное, и выглядит ад. Если и так, то сильно оно страшнее, чем кострища и раскалённые сковородки, думал Жора и настолько проникся, и почти смирился уже со своими заключениями, что не заметил, как зрение к нему вернулось.

Обрывки слов и кажущиеся бессмысленными символы, разбросанные по стенам, замельтешили вдруг перед Жориными глазами, вызывая у него ощущение захмеления. Стоя у входа в коридор и покачиваясь, он пытался собрать распавшееся на несколько слоёв изображение в единую картинку, какой он её запомнил до погружения в темноту. Прямо под его ногами лежали ноги Падлы. Оставшуюся часть трупа скрывала мгла коридора. Правда, этого Дворовой не видел, так как смотрел в противоположную сторону, но будто бы всё ощущал, сам притом не понимая, как именно это чувственное знание в него проникало.

Когда всё наконец встало на места, Дворовой смог сдвинуться с места. Всё вроде и было по-старому, но в панораме словно чего-то недоставало. И разница-то совсем неочевидная. Всего одну крохотную деталь изменили, на которую и внимания обратить не получалось никогда, да и теперь не получается, а всё равно выглядит всё вокруг как будто немного иным, зловещим даже. Или, может, всё дело в нём, в Жоре? Или это он будто бы вышел оттуда не весь, не полностью. Гадкие мысли. Точно клопы они по всему ему поползли, заставляя дрожать и изворачиваться. Дворовой, точно одержимый, стал вдруг исполнять странный шаманский танец, пребывая не в силах понять природу происходящего с ним. То ли смерть, то ли перерождение. То ли болезнь, то ли наоборот исцеление. В глазах опять всё стало расплываться и сливаться в одну липкую коричневую массу, в которой кое-где лишь белые пятна пробивались. Скоро их стало так много, что они превратились в одну большую вспышку света, которая окончательно ослепила Дворового.

Очнулся он около лестницы, ведущей на улицу. Дверь была закрыта, но не заперта. Жора видел, как её расшатывали порывы ветра, будто какой-то злой и пакостливый человек стоял за ней и всё подгадывал момент, чтоб лицо своё гадкое в щель втиснуть и посмотреть на Жору злорадно и свысока. Но ничего такого не произошло. Встав и отряхнувшись, Дворовой оглядел подвал и заметил, что ноги Падлы, всё ещё торчавшие из проёма, уходили в него всё глубже. Сами собой. Он смотрел на них заворожено, но не так, как делают это, стоя напротив шедевров живописи, а как глядят обычно дети на плавающего под солью червя или радужные разводы в луже. Жора почти не шевелился, пока бездыханное тело медленно вползло во мглу коридора. Как только оно полностью там исчезло, Жора, уверенный, что таинственная эта пропажа ему лишь почудилось, пошёл домой.

Почти уже добравшись до своей квартиры, Дворовой, боковым зрением заметив около неё черное пятно, едва не отдал Богу душу. Мысль о том, что Падла, жаждущий мести, вернулся с того света, прострелила ему голову и разнеслась по всем его членам тела, заставив их дрожать. Но пятном тем оказался другой человек. Кирилл сидел на верхней ступени и с кислой от ехидной улыбки физиономией смотрел на возникшего перед ним брата. От гостя разило перегаром. В одной руке его была зажата непочатая бутылка водки, а рядом лежала спортивная сумка, по всей видимости, доверху набитая.

– Впустишь? – с почти нескрываемой претензией сказал брат. Дворовой неохотно кивнул и, помешкав пару секунд, вставил ключ в замок. Войдя в квартиру, Кирилл небрежно бросил сумку у входа, а сам пошёл на кухню.

Вечно он всё портил. Вечно Жора из-за него вынужден терпеть какие-то лишения, выглядеть второсортным, необязательным, да и попросту не очень умным парнем. Жоре не хотелось ни что-то спрашивать, ни утверждать. Он вообще не знал наверняка, должно ли и могло ли его беспокоить происходившее сейчас с его братом, приперевшимся среди ночи с кулем вещей на плече. Он лишь хотел поскорее лечь спать, чтобы всё прояснить. Чтобы растерять в ночных странствиях все свои истерзанные за день мысли, обменять их на чудные истории, всматриваясь в которые, вовсе не обязательно отдавать себе отчёт в их состоятельности и разумности. Где-то там, меж них или даже в самом их центре обязательно, словно Богиня Афродита, вышедшая из морской пены, возникла бы Софья Васильевна. Теперь она часть его. Больше они не были по отдельности. Эта мысль грела, успокаивала, убаюкивала. Там, во сне он смог бы ощутить их единство в той степени, как он сам того желал. Там они, подчинившись вязким потокам мистических стихий, непременно сплелись бы в акте, для обозначения которого любое, используемое простыми смертными слово, было бы неполным и даже ничего не значащим. Мир без слов, наверное, был бы прекрасен. Да и зачем они нужны, ведь мир навсегда останется для человека до конца непознанным. Необъятным. Обозначить его сполна всё равно не получится. И пока Дворовой, смывая с рук в ванной подвальную грязь, размышлял об этих духовных абстракциях, родственничек его, вероятно, уже облапал своими похотливыми ручищами чудо-машину. Вспомнив, что брат остался один на один с телевизором, Жора ринулся на кухню, дабы только не посвятить ненароком Кирилла в курс событий, о которых ему знать не следовало. Но брат просто сидел на табуретке, опёршись спиной о стену и закрыв глаза. Было непонятно, спал он или лишь пытался поймать то самое ощущение хотя бы мнимого, но комфорта, которое когда-то дарил ему этот дом на протяжении почти двадцати лет.

– А помнишь, брат, на этой стене раньше календарь висел, – сказал Кирилл, не открывая глаз. – Там бабища ещё пышногрудая такая, в бикини стояла, с сиськами навывкат. Азиатка. Мать откуда-то притащила. А я всё думал, зачем она этот календарь туда повесила. Всё стеснялся смотреть даже на тёлку эту. А когда год закончился, мать эту часть, на которой сам календарь был, обрезала, а картинку оставила. И я, представляешь, до сих пор гадаю, что это за дичь такая ей в голову втемяшилась. С календарём этим.

Жора отключил телевизор от сети и убрал его под стол, на который тут же выставил две старенькие рюмки из резного стекла.

– Закуски у меня, правда, нет никакой, – принялся оправдываться Дворовой, усаживаясь супротив брата на расшатанный табурет и рассчитывая на то, что без закуски гость надерётся быстрее и тем скорее отправится спать. Ну или, на худой конец, пойдёт дальше творить свои пьяные дела где-нибудь подальше от Жориного дома.

– Да ты садись, братец мой! Ну и что, что без закуски. Главное, что все свои тут, правда же? – улыбка расплзлась по лицу Кирилла, словно кто-то потянул за шов, до того момента делавший её тугой и едва заметной.

– Да какой же я тебе братец? Откуда столько нежности-то?

– А я тебе скажу. Притча такая есть. Про женщину, мужа еёшнего, сына и брата. И этого, как его, – тут Кирилл громко икнул, – Чингисхана! Он ей сказал однажды: «двоих убью, одного помилую». Выбрать, мол, ей надо было, кого в живых оставить. Она брата и выбрала.

– Почему?

– Да хуй её знает. Дура, видать! – Тут Кирилл громко засмеялся, налил себе рюмку и тут же её опустошил, закинув голову вверх. – А ты чего шарманку-то эту домой притащил? Скучно стало? – спросил гость, заглянув под стол. – А помнишь, как ты матери такой же ящик

приволок, а она его смотреть не стала. Мол, то экран маленький, то громкость тихая, то тихость громкая. То лучше пойти к соседке посмотреть, с ней хоть поговорить можно.

– Да не так всё было!

– А чего не так? – Кирилл засмеялся. – Всё так! Ты, Георгий, по этой части мастак был – всегда знал, как мать на нервы вывести. А я, сказать по секрету, даже радовался. Вот проорётся она на тебя, так на мне уже не срывается. И как шёлковая. Сразу благодать в семье такая устанавливается, что аж тошно. Хоть опять тебя на рожон бросай.

– Мда, всё время тебя слушала. Даже когда ты виноват был. Всё равно я как будто крайний. И подарки твои ей всегда нравились. Даже когда какую-нибудь хуёвину с морковиной дарил. – Жора наполнил свою рюмку до самых краёв и медленно, стараясь не проронить ни капли, поднёс её ко рту. А выпив и сквасив тут же лицо, продолжил. – А помнишь, как ты картинку на помойке нашёл и в дом принёс, сказав, что стопку журналов старых на неё обменял?

– А как же! Мы с тобой ещё потом договорились, что если вдруг матушка разозлится, то мы скажем, мол, твоя идея, – Кирилл продолжал заливаться смехом. – А ты, дурачок, согласился же. Как должное принял. Я с тебя хуею просто, братец! Зато ты вспомни: ты же неделю дулся, когда я микроволновку купил. Даже не прикасался ещё к ней демонстративно. Мать в микроволновке этой всё готовить начала. И пельмени варила и омлеты всякие. И всем родственникам потом и соседкам уши прожужжала, какой я у неё путёвый вырос. Так радовалась, будто никакие мужики до того ей ни цветов не дарили, ни комплиментов не делали. Мы у неё, брат, единственной опорой были.

– Ага. Только ты, сколь помню, всё по вечерам угонял куда-то на велосипеде своём, когда отец ушёл от нас. И мне все её слёзы да истерики слушать приходилось. А она так заливалась, ты бы слышал. Вот точно бесы из неё выползали тогда.

– Так ты же старший, брат! Кому ещё было её успокаивать? Или ты меня всё великом этим до сих пор попрекаешь? – Кирилл осушил две рюмки подряд.

– Не попрекаю. Завидую. Мне такой роскоши в своё время было не видеть. Всё у пацанов просил покататься. Иногда у девчонок даже. стыдоба!

– А ты не завидуй. Всё равно недолгая радость была. Столько лет прошло, а мне до сих пор обидно, представляешь? Кто его угнал тогда? То ли Падла, то ли Колян Борзый. Да и не узнать уже. А ты, брат, не завидуй. И не ревнуй. Ты понял? А мамка, она ведь всё это тебе почему говорила? Ну правильно! Чтоб тебя позлить или научить чему-то. Мол, ты хоть и старшой, а такой безалаберный, инфантильный. Тебе ведь сколько шансов в жизни дано было. И ты всё прое... – Кирилл махнул рукой и снова потянулся за водкой. – Ты же сыщиком стать хотел? Вот, а чего не стал?

– Я хотел? Да это ты сыщиком стать хотел! Чтоб как в фильмах тех, американских, старых. За бабами следить расфуфыренными.

– Да! Точно, я! А ты там своей самодеятельностью всё увлекался. Слушай, ну вот за это я тебе, братуха, благодарен! И ты подумай только. Тебя не взяли, а меня взяли! – На этих словах Кирилл принялся по-театральному размахивать руками, а голова его стала раскачиваться, будто на пружинке прикреплённая. – А я же просто тебя поддержать пришёл. Думал, вот какой у меня брат крутой. В ДК выступать будет! Мы на него будем ходить смотреть. А всё наоборот вышло! И интересно-то как получилось. Вот меня тогда заметили, в оборот взяли и вот я в эти самые ДК спустя двадцать лет уже на приёмы езжу. Чтоб им пусто было принимаателям этим... Но зато про тебя-то я не забыл. Да ты не воняй! Вижу, уже хочешь мне рот заткнуть возражениями своими гнилыми. Я же тебя пристроил в нормальное место. Ну, не «Газпром», да. Но платят-то тебе нормально, знаю. Можешь даже не спорить. Васильевна тебе премии постоянно выписывает. Так что, ты держись, брат, за то, что есть! А то к говновозам своим опять вернёшься однажды.

Жоре хотелось зажмуриться от этих гадких слов, спирта в которых было куда больше, чем правды. Он смотрел на приблизившееся почти вплотную к нему лицо брата и думал о том, что тот состаривается быстрее, чем Жора. Кожа над его веками, казалось, была налита свинцом и почти закрывала глаза, как бы Кирилл не силился их выпучить. Жоре даже захотелось поставить эксперимент: просунуть под эту хорошо уже так отвисшую кожу монетку и посмотреть, насколько глубоко та войдёт.

Наверное, людей изнашивают семейные трудности. В этот момент Дворовой почти искренне обрадовался тому, что не имеет ни жены, ни детей. Сейчас он был избавлен от всех этих тонкостей детско-родительских отношений; методов воспитания, специально разработанных чуть ли не в военных лабораториях; бесконечного, утомительного выстраивания личных границ и этой всепоглощающей ответственности, что подменяет собой хоть сколько-нибудь возможную радость от пребывания в обманчиво гордом звании семьянина.

– А Воробушков, оказывается, не пидарас вовсе, – сам не понимая зачем, сказал Жора.

– Да? Откуда знаешь?

– А я сквозь стены видеть могу. – На полном серьёзе заявил Дворовой. – У него там, правда, другое отклонение. Похоже на то...

– Отклонение? А ты чего, врач? А кто сейчас здоровый-то? Нет таких. Все с червоточинкой. Тлём проеденные. У нас у Валерыча брат двоюродный спасателем работает. Работал, царство небесное. Подстрелили позавчера. Может, слышал? Он группу ребят своих собрал, и они к мэру бывшему заявили с автоматами в руках. Половина там так и осталась лежать у ворот. А ещё у нас Палыча повязали на той неделе. Ты представляешь, по пьяни мужик хуйню написал. Написал и забыл. А теперь всё, экстремист! У каждого, брат, секреты свои за пазухой. И держать их надо глубоко и далеко, чтоб ни одна *гадина* о них никогда не узнала. А не то потом хоронить придётся либо гадину эту, либо себя. Вот у тебя, брат, есть секрет какой? Давай колись. А то я с тобой полжизни прожил, а как будто не знаю совсем.

– Да нету у меня ничего за пазухой, – Дворовой сглотнул слюну.

– Врёшь! У всех есть. У меня вот есть.

– И что же? То, что от жены гуляешь? Так это ни от кого не секрет давно.

– Да ты дослушай! – вспылил брат. – Ты меня у себя приютишь, а? Я на полу посплю, ты шибко не суетись. Повздорили мы с ней сильно. Не могу я больше так, понимаешь? Совсем мы чужие. И я же всегда знал это, понимаешь? Ещё когда спать с ней начал, уже тогда понимал, что-то тут не так. И терпел всё, терпел. Думал, ну вот щас сынишка родится, так всё изменится. А теперь думаю, вот сынишка школу закончит, так точно уйду. А теперь и того выжидать уже сил нет. – Кирилл схватил бутылку и, допив её содержимое из горла, прикрыл ладонью глаза, точно готовясь зайтись слезами. Затем, звучно выдохнув и стряхнув с себя тем самым остатки всякой чувственности, уставился на Дворового и начал говорить ему как бы в упрёк: – А я Поражаюсь тебе, братка! Такая у тебя жена была красотка, а ты её даже удерживать не стал. И чего тебе не хватало? Ну да, стерва, есть такое. Так это же, потому что она человека из тебя сделать хотела.

– А не надо из меня делать никого. Я уже есть. И был всегда. А кому не нравится, пускай считают, что нет меня. Не для них рождён! Ты-то сам хорош!

– Осуждаешь, стало быть? Да я Нателлку, может, и люблю. Еще. Пока. Но у нас у всех мужиков ведь так: любишь одну, а хочешь другую. Постоянно хочешь. И так её и этак. И в зад, и в перед. И меж сисек, и раком, – Кирилл стал говорить взахлёб, почти выплёскивая слова и чуть ли не имитируя семяизвержение. Его глаза налились похотью и страстью не человека, но зверя, готового вот-вот напасть и упивающегося собственным неоспоримым превосходством. – Я из этой девочки бы все соки выжал. Да я бы потом её и сам бросил. Через годок другой. Ты бы видел её эти, – мужчина выставил руки, изображая, будто держит в них что-то круглое, – яблоки. И характер у неё такой – вот как мне нравится. Я люблю, чтоб как взвизгнет, так аж

волосы во всех местах дыбом вставали. Я знаешь, как завожусь тогда. А Нателлка, она только исподтишка всё. Зато строит из себя хозяйку да интеллигентку в пятом поколении. Уу, сука!

Так они проговорили ещё час. Кирилл продолжал изливаться откровениями. Рассказывал о том, какое порно смотрит его сын; сколько денег администрация отмыла с последнего дня города, а также поведал обо всех своих бизнес-планах, за которые его высмеивает благоверная. Попутно он всё журил Дворового за несообразительность и безынициативность. А Жора лишь покорно слушал, изредка похихикивая и ещё реже вставляя неубедительные, но, как он сам считал, мудрые замечания, которые всё равно оставались без внимания. И всё же в словах брата была какая-то истина. Она была блёклой, и маячок её будто бы был неисправен, побиваясь на манер азбуки Морзе через плотную и колючую путаницу мыслей Дворового. А когда слова начали рассыпаться, не долетая притом до ушей обоих собеседников, Дворовой повёл брата в гостиную, держа его на себе. Он усадил Кирилла на диван, а сам принялся искать тряпье, которое можно было устелить на пол, дабы обеспечить своему родственнику полноценный ночлег. Но пока он это делал, Кирилл принял горизонтальное положение и засопел на диване.

Вскоре стены квартиры стал сотрясать храп. Но ни он, ни жёсткий пол не были истинной причиной Жориной бессонницы. В голове его без конца и без толку, точно взбесившаяся карусель, кружилась вереница услышанных ранее откровений, а также воспоминаний, что рождались сами собой, отпочковываясь друг от друга и мутируя, становясь историями с одной стороны знакомыми, а с другой – окрашенными в новые, кислотные оттенки, и тоже самостоятельно живущими. Они возникали перед закрытыми глазами и сменялись вспышками на экране той самой электрической коробки, вместившей в себя, казалось, все Жорины страхи и пороки, и заставившей его разум усомниться в прежде казавшихся очевидными истинах. И чем неочевиднее они становились, тем сильнее Жора в них верил.

Все в этом доме уже должно быть спали. Всем было плевать на его секрет, думал Дворовой, вглядываясь в монохромные контуры коридора, пробираясь на кухню сквозь сумерки. Упав под стол и прильнув к телевизору, он в случайном порядке прощёлкал с десятков каналов. Всюду были сплошь едва заметные статичные фигуры – где-то атрибуты мебели, а где-то лежавшие порознь на одной кровати супруги, тоже выполнявшие функцию своего рода мебели по отношению друг к другу. Его собственная, пятнадцатая квартира в экране телевизора была, как и прежде, затянута черной массой, только на сей раз напоминавшей полотно густых туч, словно образованных нефтяными испарениями. Кое-где в них крутились воронки, в самом центре которых была ещё более плотная и какая-то совсем уж непроходимая тьма. Он пытался заглянуть в неё, а ему казалось, что кто-то смотрел на него прямо оттуда, через экран. Изнутри. Но не сквозь стекло кинескопа, а сквозь материи куда более тонкие, незримые. Необъяснимые. Слабый электрический заряд пробежал по его плечам, устремившись затем книзу, вызвав неприятное покалывание в щиколотках. После по телу пронеслась ещё одна такая, но уже более явная волна. Сила этих потоков нарастала до тех пор, пока Дворовой не коснулся вспотевшей, чуть трясущейся рукой панели телевизора и не отключил его. Вернувшись в гостиную, Жора спрятал всего себя с головой под одеялом и, свернувшись там калачиком, уснул.

Наутро Кирилл, не успевший толком протрезветь, без конца просил у брата прощения. Ни о чём другом и не заговаривал. А еще как будто пытался обнулить всё сказанное накануне, ссылаясь на пьяный бред. Сказал, что вернётся домой. Но как в действительности ему следовало бы поступить, Дворовой не знал. И не был уверен, что хотел знать. Всё это казалось лишним, разрушающим, не добавляющим ничего важного в его жизнь.

Распрощались они на словах весьма странных. Распахнув дверь и уже ступив за порог, Кирилл обернулся и сказал:

– Мы же, брат, жизнь-то свою не проживаем. Она у нас перед глазами проходит, а мы сделать ничего не можем. Мы – не зрители даже. Так, наблюдатели. И никому не нужны. Ни ты! Ни я! Чёрное, пустое место без фиги в кармане! – Мужчина сунул руку в карман и высу-

нул из него собранную в кукиш ладонь, а затем звонко рассмеялся – так, что хохот его эхом прокатился по всему подъезду, отчего зазвучал немного зловеще.

– Хорош философствовать! Такси ждёт.

– Подождёт. Мы все ждём чего-то. И я, и ты. А толку?

– Иди, давай. Пускай Нателлка отзвонится, как доберёшься, – сказал ему вслед Жора. Кто-то без фиги, а у кого-то целый кулак в кармане на случай чего припрятан, подумал он, сам не поняв к чему, закрывая дверь.

Обычно утро субботы навевало Дворовому скуку. В этот раз к ней примешивалось ощущение пустоты и даже какая-то тоска. Пытаясь с этим хоть и знакомым, но всё же новым своим состоянием примириться, Дворовой вдруг поймал себя на мысли, что не увидит сегодня Софью Васильевну. Но, может, так оно и к лучшему. Пожалуй, ему и не хотелось её видеть. Не моглось. В своих пусть бледных, но таких навязчивых представлениях он уже всё с ней сделал. Вломился, схватил, заткнул рот, овладел и ушёл. Оттого чувство стыда, подобное тому, что он испытывал в детстве, когда мастурбировал, обдавало его острой, холодной струёй, как только в голове возникало перманентно недовольное выражение лица начальницы.

Только к вечеру это ощущение стало притупляться. Оно смывалось бесконечным потоком серых лиц, мелькающих на экране, и, звучащих там же бесцветных голосов. Воробушков весь день читал какую-то толстенную книгу, свихнувшаяся леди из последнего подъезда в одиночку выплясывала что-то наподобие кадрили и попутно декламировала сложносочинённые монологи, а толстая девица из двадцать седьмой ругалась с матерью, кормя кота.

Жора вообще не любил кошек. Но тот, из двадцать седьмой ему нравился. Видать, потому что чёрный. Иногда чёрные кошки вызывали в Дворовом какой-то почти священный трепет, напоминая ему собой посланцев из других миров, что призваны наблюдать за происходящим, обладая тайным знанием, но при этом не вмешиваться в ход вещей. По последнему пункту Дворовому не удавалось быть на них похожим. Да и вообще больше ему по душе всегда были собаки. Вот только с ними всё не везло. Когда-то в детстве у него была такса по кличке Лесси. Попала под машину. Другую – добродушную дворнягу Дайну, которую Жора хоть и не приютил, но смог подружиться, – отравила соседка, потому что была уверена, что эта псина вместе с остальными бездомными шавками топчет её незабудки, высаженные у подъезда. Но, казалось, что ещё одним человеком, искренне обрадовавшимся этому факту, был Кирилл. Потому, что не любил животных. Могут ли вообще любить кого-то такие люди: расчётливые, эгоцентричные и готовые идти по головам? И сколько всей этой гадости бултыхалось внутри самого Дворового, напитанного той же самой кровью и вылепленного из той же плоти, что и его брат?

Жора не отрывался от экрана на протяжении почти что целого дня. Он проверил каждую без исключения квартиру, заглянув и туда, где прежде его любопытство обращалось ленью и скукой. Но едва ли в четверти из них происходило что-то любопытное, а тех квартир, где вообще хоть что-то происходило, не набиралось и половины. К ночи во всём доме Жора насчитал целых две пары, занимавшиеся сексом, что, как полагал он, необычайно много для здания, заселённого, в основном, пенсионерами. По-прежнему экран молчал лишь на пятнадцатой кнопке.

Это должно было быть хорошей новостью – то, что Дворовой всё ещё находился вне наблюдения, но на самом деле непонимание столь привилегированного положения вызывало у него лишь странную тревогу, граничащую с паранойей куда большей, чем та могла бы развиться у Дворового, узнай он наверняка, что за ним следят. Дьявольский ящик не раскрывал секретов. Хотя сам он был, пожалуй, наименьшей из всех тайн, что хранит этот мир, сам по себе являющийся одной большой квантовой неопределённостью. Кванты. Жора всегда любил это слово. Во-первых, с ним всегда можно казаться чуточку умнее. А во-вторых, оно красиво, удобно и универсально. Употреблять его можно в каком-нибудь контексте: от новостей технического прогресса до распада чьей-то семьи. Мол, квантовая природа этих двоих индивидов

настолько разнилась, что никакие сюрреалистичные, духовные субстанции, в некоторых случаях называемые любовью, никак не компенсировали огрехи материального мира.

По правде сказать, он вообще не видел любви в тех сюжетах, что показывал ему чудо-экран. За проведённые безвылазно два дня дома Жора не заметил её ни разу. Возможно, он просто разучился её распознавать, успел позабыть её истинный лик. Он видел её раньше на своём большом плазменном телевизоре и думал, что понимал, как и чем живут люди. Они делились с ним самым сокровенным. А теперь они лишь без конца ели, пили чаи из чашек со встроенным наблюдением, бросались друг в друга нечленораздельными и оттого почти бессмысленными фразами, а ещё иногда трахались. И последнее, пожалуй, больше всего напоминало о том, что иногда между людьми всё же случается какая-то магия.

Парочка любовников, что предавались утехам прямо в одежде на собранном диване, вызывали у дворового чувство стыда. Но вовсе не от самого факта происходящего, а от той неловкой судороги, которой заходились те двое. Не было меж ни капли страсти, а только какая-то вынужденная спешка и бессилие. Дворовой успел было подумать, что снова стал свидетелем эпизода постановочного насилия, которое вот-вот перейдет в реальное убийство. И вроде бы разбираться с ним, случись что, Жора уже не желал, но тем не менее прикидывать варианты разрешения ситуации отчего-то принялся. Можно же, в конце концов, и эту ситуацию обернуть себе на пользу. Однако вскоре девушка стала издавать сладостные возгласы, за которыми последовал протяжный стон. Любовник её стал пыхтеть, затормаживая своё тело, и как только он остановился, то тут же поднялся и вышел из кадра, успев засветить нижнюю половину лица.

Все Жорины родственники и соседи с самого детства твердили ему, что подбородок у него точь-в-точь как у брата. Они всегда определяли Жору через Кирилла, а не наоборот. Они никогда не говорили, что это Кирилл был похож на него. Они даже почти никогда не высказывались о схожести братьев, как о подобии друг другу двух самостоятельных и равноценных личностей. Всегда на первом месте стоял Кирилл. И эта его эталонность почти не подвергалась пересмотру. Ровно поэтому Дворовой не мог уже разубедиться в том, чей подбородок промелькнул перед ним.

Девица улыбалась и как будто всё не могла отдышаться. Кажется, она работала учительницей. Та самая математичка в школе, куда ходил Стас, племянник Жорин. Стало быть, с понедельника по пятницу она учила мальчика геометрии, а по воскресеньям проводила индивидуальные консультации с его папашей, не чураясь вопросов сугубо биологических и пренебрегая при этом акцентами этическими.

От внезапно вспрыснувшейся в кровь злости у Дворового заломило пальцы, а в голове зазвучал высокочастотный писк. У злобы этой были жёсткие грани и колкие края. А ещё она будто бы без конца рассыпалась на мелкие острые осколки. Они распространялись по всему телу и, смешиваясь со сгустками обиды, зависти, отчаяния и отвращения, превращались в селевой поток, что с каждой секундой становился всё мощнее.

А эти двое, они о чём-то болтали. Посмеиваясь и иногда заканчивая друг за друга фразы. Дворовой расслышал голос брата. Этот щенок, он больше так и не показался в кадре, будто стыдясь собственного разоблачения, которое по факту хоть и уже и не было чем-то эксклюзивным, но всё же продолжало оставаться раскрытым не до конца. И это, разумеется, следовало бы исправить.

Нет худа без добра, твердят в народе. А ещё говорят, что благими намерениями выложена дорога в ад. И если уж всё равно суждено пожизненно зависеть меж двух этих полюсов, разрываясь от неопределённости, то почему бы просто не поддаться импульсу, который, может, и вовсе ни на что не повлияет, пытался оправдать сам себя Дворовой. Обретаясь в своих пространственных рассуждениях, он не успевал тем самым придумать легенду, которая бы проложила ему попадание в кабинет школьного директора. Стоя перед сидящим у дверей охранником и

смотря куда-то поверх его затылка, Жора нескладно рассказывал историю о том, что родители его племянша вот уж неделю как в отъезде, а успеваемость пацанёнка всё устремляется вниз. Вот, мол, Дворовой поговорить и пришёл. Рассказ его был торопливым и полным междометий, но на показной строгости мужчины в форме это никак не отразилось: сделав три жевательных движения челюстью и столько же раз провернув по кругу зрачки (вероятно, операция эта нужна была для обработки полученной информации), тот позволил провернуться турникету, а Жоре попасть в пункт назначения.

В кабинете у секретарши было тесно и пахло едой. Дворовой подумал, что он уже успел позабыть, как пахнет нормальная домашняя еда. В последний раз что-то подобное он ел прошлой осенью, на дне рождения племянника. Это были макароны с какой-то морской гадостью, которые Нателла при каждом удобном случае называла пастой. А Жора всё никак в толк взять не мог, какая ж это паста, если паста – это что-то густое и однородное. Вот, примерно, как волосы секретаршины, пышные и ровно зачесанные сразу по всем направлениям головы. Аккурат под её чёлкой располагались столь же густые брови, а под ними было густо намазано чёрными тенями. Мать Жорина тоже так красилась иногда. В те моменты, когда была совсем не в себе.

В тот день, когда Кирилл потерял свой велосипед, её ещё одолевали тягостные чувства из-за разрыва с Жориным отцом. Каждый день она уходила на работу изукрашив глаза смолью, а, возвращаясь домой, почти никогда не смывала макияж. По вечерам её лицо становилось похожим на лицо демона, пытающегося хитростью заслужить божественное прощение. Но стоило этому лицу заговорить, как идея прощения становилась в одночасье не просто невыполнимой, но и невозможной в принципе. Жора рассказал ей, что её любимый сын по собственной глупости лишился самой дорогой на тот момент игрушки в его жизни. Той самой, за которую его мать, чуть ли в пляс не бросалась, чтобы только сторговаться с соседкой-коммерсанткой, пытаясь убедить её сбить цену, потому что отец к тому моменту давно уже финансово не принимал участия в решении таких вопросов. Она говорила, что купила Кириллу велик, чтобы потом он купил ей кабриолет, когда вырастет. И напевала при этом строчку из песни Успенской¹. А когда узнала, что велик тот вдруг оказался похерен, то послала младшего сына ко всем чертям и к своему папаше. Это был единственный раз, когда она искупала Кирилла в помоях и собственной желчи. Но Жоре хватило и того. Ему понравилось то, что он услышал. Ему понравилось, что его брат сделался вдруг недоумком и лоботрясом, пусть даже ненадолго. И ещё больше ему понравилось то, что его план сработал. Жора ведь не крал велосипед, он только позволил ему быть кем-то украденным, отвезя его к обрыву у реки и сбросив вниз, пока Кирилл и остальные мальчишки раскуривали сигареты, сворованные у взрослых.

Дворовой прокрутил в голове этот момент в очередной раз, отчего по-идиотски заулыбался, и от этого незаметно накачивающего экстаза не расслышал, как секретарша пригласила его пройти к директору.

– Так значит вы говорите, что лично видели, как наша Виктория Петровна прелюбо... действовала с вашим братом, с отцом Стасика, племянника вашего? – директриса, спустив почти на самый кончик носа массивные очки, глядела на Жору снизу вверх, так как, несмотря на все её настояния присесть, Дворовой решил стоять на своём во всех смыслах этого слова. – А где именно вы их видели? И почему они допустили, чтобы вы их видели?

– Ну послушайте, Вероника, как вас по башке, забыл. В общем, вы что, хотите, чтобы я вот так сейчас в грязные подробности пустился? Вам разве мало того, что я сказал?

– Вероника Семёновна, напоминаю! А мне просто кажется всё это очень подозрительным. Нет, я, конечно, проведу своё... расследование, внутреннее, так сказать. И, если есть за что, то обязательно призову к ответственности. У меня давно вопросы к этой... фифе имелись.

¹ Имеется ввиду композиция «Кабриолет» российской певицы Любви Успенской.

Конец года, правда. Совсем это всё не к месту, не ко времени как-то. Но хочется всё-таки спросить для начала, а ваш брат, он с матерью Стасика-то живёт?

– Да я же вам русским языком объясняю, Вероника Фёдоровна, семья у них цельная, хорошая. Примерная даже! Вы подумайте только, вот вскроется это всё если, какой пример ребёнку? А сейчас же ничего ни от кого не утаишь. Все же всё прознают. И коллеги ваши, и родители другие. И до ГОРОНО дойдёт ещё, не дай Бог. Век высоких технологий же, ну ёлки-палки! Вы уж примите меры.

– Ну, про ёлки с технологиями, это вы, конечно, правы. А вот ГОРОНО – так никто уже не говорит. – Тут директриса встала, подошла к двери и взглядом указала, куда Дворовому следовало бы в этот момент пойти. – Мы со всем разберёмся. Вам, Григорий Палыч, спасибо за сведения. За ценную, так сказать, информацию. Сашечка, проводи гостя, – обратилась женщина к секретарше через распахнутую дверь. Жора молча раскланялся и ушёл.

По пути на работу Дворовой дважды проехал на красный свет и один раз чуть не сбил человека. То был подросток с бронёй наушников на ушах. Он выскочил на зебру, полный уверенности в своей правоте, и потому даже не поспешил освободить дорогу. Это Жору так разозлило, что он и не подумал затормозить, а наоборот сильнее нажал на педаль газа и, не рассчитав силы, едва не лишил мальчугана жизни как необязательного приложения к его выпирающей заносчивости.

Софья Васильевна была уведомлена об утреннем отсутствии Дворового и никаких возражений на этот счёт не имела. И тем не менее для Жоры было принципиально важно произвести впечатление человека не только ответственного, но и не злоупотребляющего добротой своей шефини, ведь, по сути, не было между ними больше никакого ни доминирования, ни подчинения – только крепкое партнёрство, сцементированное общей историей и безусловным доверием. Когда Дворовой приехал, то узнал, что Софья Васильевна уже ждала его у себя. Обрадованный таким фактом, он со всех ног помчался в её кабинет. Должно быть, у неё были подготовлены важные для Жоры слова. Он пусть и не смел рассчитывать на что-то большее чем просто благодарность, но уже только это доказало бы ему факт того, насколько стремительно стала разрушаться меж ними стена из должностных полномочий и классовых различий. Дворовой, повинувшись народной мудрости о том, что вода камень точит, действовал согласно ей долгие месяцы, и вот теперь эта самая вода, пускай и не сточив каменную кладку полностью, всё же пробралась под неё, начав размывать фундамент.

– Жор, ты присядь, пожалуйста. – Могло показаться, что если бы начальница, сидевшая во главе длинного лакированного стола, не произнесла этих слов, то появления в кабинете кого-то ещё она бы попросту не заметила. Дворовой сел по центру стола, вынув из-под него предварительно и с какой-то боязливой осторожностью обтянутый искусственный кожей стул. Впервые он сидел за этим столом, куда прежде пускали только особо важных, в представлении Дворового, персон, важности которых он, впрочем, не мог объяснить ничем, кроме как самим этим ярлыком, пришитым к дорогому костюму каждого из здесь бывавших.

– Жор, послушай меня пожалуйста. И вот не перебивай только! Я, в общем, наговорила там чего-то в пятницу. Ты внимания не обращай...

– Да что вы, Софья Васильевна, вам не о чем переживать даже.

– Послушай, не перебивай, пожалуйста! Есть мне о чём переживать, и я тебя по этому поводу, собственно, и позвала.

– Да я – могила, Софья Васильевна!

– Ещё бы! – Она отрывала взгляд от Жоры каждый раз, когда он только начинал что-то говорить, а затем, вновь беря слово, она тихонько и даже как-то нежно опускала на мужчину свой взор и скользила им по лицу Дворового, будто расписывала его акварелью. Жора уловил в этом её жесте неприкрытое кокетство и игру в недотрогу. – Я там, похоже, серёжку обронила. В квартире этой злосчастной. Ты не мог бы забежать, поискать? Я даже не о том забочусь, что

улика это какая-то... ну что мне, в самом деле, улик бояться? При моих-то связях. Подарок это просто. Мне он от крёстной достался. Сама вот уже третий день не своя. А у меня крёстная-то уже на том свете давно, – женщина кивнула и посмотрела наверх, – Всё видит, боюсь. Она мне как мать была.

– Да вы не переживайте, Софья Васильна, дорогая. Всё сделаю в лучшем виде. – В голосе Дворовой вдруг засквозила лёгкость и уверенность голливудского актёра. Он будто бы и улыбаться пытался таким же образом. Он всё высматривал за поджатыми губами и беспокойным взглядом своей начальницы хоть какое-то подобие улыбки, но понимал при этом, что не до улыбок ей сейчас. Тут всё-таки и пропажа ценная, и мысль о преступлении каком-никаком совесть разъедает, да и вообще стены здешние исключительно к серьёзным тонам располагают, безо всяких этих заигрываний.

Нет, не шли ей сегодня эти стены, думал Дворовой. Всё-таки произошли в этой женщине значительные перемены. Она даже выглядела как-то иначе. Волосы распустила. Что-то ангельское в её лице оттого и появилось. Такой она ему тоже нравилась, но всё же образ холодной, стервозной и своенравной блондинки с затянутым на макушке пучком волос заводил Жору куда больше. Уж сколько раз он фантазировал о том, чтобы схватить её за этот пучок, пристроившись сзади, и разодрать его на отдельные пряди, продевая меж них свои пальцы. Затем он, как правило, в измышлениях этих своих начинал нюхать её взлохмаченные волосы и целовать правое ухо, обмакивая слюной каждый миллиметр ушной раковины, засовывая язык вовнутрь неё да покусывая мочку, боясь, и в то же время желая, прокусить её насквозь.

– Софья Васильна, так вы же вроде серёжек не носите, – улыбка вдруг исчезла с Жориного лица, хотя он и старался всеми силами её удержать. – Вы же сами всегда говорили, – он на секунду задумался, – мол, по-мещански это.

– Да-да, не ношу. Я просто тогда их надевала. Особый день был. Захотелось надеть. Ну вот, женщины, они такие. Сегодня любят, завтра к чертям посылают.

– Особый? Специально для встречи с *этим* что ли надевали? – ухмыльнулся Жора.

– У меня у тётки, у крёстной юбилей... в смысле годовщина со дня смерти была. На кладбище к ней ездила. Три года как не стало её. Под трамвай... – шефиня звучно вдохнула, пропустив воздух через зубы, – попала. Специально к ней в таком виде пришла, чтоб задобрить её как-то. А то она умерла-то, сердчая. Под колёсами трамвая. Прямо на рельсах. Слушай, Дворовой, мне перед тобой отчитаться надобно, ты считаешь?!

– Да ничего я, Софья Васильевна, такого не считаю. Вы мне скажите только, как эта серёжка выглядит? А то, хоть убей, не помню я на вас никаких серёжек тогда.

– Ну как выглядит?! – Тут женщина развела руки, будто от безысходности, затем встала и принялась ходить около стола. – Красивая. Золотая, что немаловажно. С висюльками такими рубиновыми. Да ты заметишь, если найдешь. Да и что, ты думаешь, много там серёжек что ли водиться может?

– А как же мы её с вами тогда пропустили? Всё же осмотрели. И под кроватями, и под шкафами. Вы же тогда ещё сами беспокоились, мол, чтоб кольца какие или брошки никуда не закатились.

– Дворовой, я вообще тот день плохо помню. Я больше тебе скажу: только и делаю, что всеми силами позабыть его пытаюсь, как можно скорее. Да вот всё, вашу ж мать, никак не получается! – женщина почти уже кричала. – Вот тебя помочь прошу, а ты в отказ тут идешь. Только ты помни, что ты пойдешь, как соучастник в случае чего!

– Да не отказываюсь я вовсе, Софья Васильна, с чего вы взяли? Ну, пойду сегодня, прошмонаю там всё. Вы только скажите, где искать? Может, вы где-то в особенном каком-то месте переодевались?

– А ты всё шмонай, Дворовой. Вот прям каждый уголок. Всё можешь попереворачивать там. Вот прям от души, разрешаю. И чем скорее, тем лучше. Не затягивай. Вот как вернёшься

с работы, так сразу туда и иди. А я тебя прям щас и отпущу. Отгул тебе даю. А ты знаешь, что? Всё там поломай к чёртовой матери.

– Что-то мне это всё странным выглядит немножко, Софья Васильевна. Вы вот это для чего сейчас делаете? Вот только честно?

– Жор, ты давай тут козлёнка жертвенного из себя не строй. Иди, давай. Я тебе ещё премию выпишу. Двойную. За послушание, – женщина вернулась на место, демонстративно выпрямила спину и принялась что-то печатать, спрятав лицо за монитором компьютера. А позади неё, прямо из-за правого плеча выросал Девы Марии лик – статуэтка металлическая, в точности как у Падлы Мелкой дома была.

– Зря вы так. Я вообще-то, Софья Васильевна, хороший... стратег. Мы бы с вами поладили. А ещё, говорят, любовник неплохой.

– Говорят? Кто говорит? – начальница, выглянув из-за монитора, округлила глаза, явно не ожидая, что разговор примет такой оборот.

Дворовой пожал плечами и, не зная, что дальше сказать, принялся лототрон со словами вращать в голове, дабы хоть что-то для продолжения беседы пригодное из него вынуть. Но ничего хорошего там не попадалось. Одни только междометия, звучные выдохи и неловкие смешки. И где-то иногда меж их острых углов протекала тонкая струйка мысли, оставляя за собой плохо распознаваемый след.

– Вот вы, Софья Васильевна, мужу своему изменяете, и в порядке вещей же. И я думаю, правильно это, – Запреты, они ведь ни к чему хорошему не приведут. Да и ложь, она ведь во благо бывает. На этом всё жизнь и выстраивается. Краски так проявляются. Ну, черное, белое, там. Красное, зелёное. Уж лучше так, чем серое забвение, что вода мутная в той реке, за мостом железнодорожным.

– Вашу ж мать! – произнесла женщина по слогам. – Ты чего, Дворовой? Совсем гусей погнал? Пстой-ка, пстой-ка. Я всё поняла! – в глазах женщины заискрилось любопытство. – Ты же пришёл тогда, чтоб меня трахнуть. Вашу ж мать, Дон Жуан же ты из Подосиновки недоделанный! – Софья Васильевна захохотала. – Ну чего, врезать мне хочешь? Ну, давай. Я же вижу, как скулы у тебя ходуном ходят. Того и гляди, зубы все свои в порошок сотрёшь. Или у тебя их и так уже не осталось? Пропил все. Вашу ж мать, какой ты, оказывается, тюфячок. Маленький, маменькин подонок. Дерьмо бесцветное, непросыхающее. Я вот из-за таких мужиков и детей рожать не хочу. Думаю, вот вылезет из меня такой же бестолковый человечиска, и куда я с ним потом? Мдааа, языки-то распускать мы все мастера. А ты даже руки распуścić, оказывается, не способен. Что с тало с этим миром? – на лице её застыло выражение искреннего изумления, будто разглядывала она в этот момент одну из тех угловатых инсталляций, собранных из мусора и выставляющихся на выставках современного искусства.

– Я, Софья Васильевна, лучше пойду. И план ваш, мне не очень-то нравится.

«Дрянная бабёнка»

Так мать Дворового называла соседку снизу, что виляла задом каждый раз, когда проходила мимо. После того, как отец с ней спутался, из уст Жориной матери, конечно, стали сыпаться определения и похлеще, но до того она значилась именно дрянной бабёнкой. Иногда бабёшкой.

Наверняка, будь матушка жива, то сказала бы так же и про Софью Васильевну. Выражение это подразумевало под собой, что у дамочки явно нет других интересов, кроме как хомутать нормальных мужиков. При этом, ей обязательно должно быть уже за тридцать, и внимания она должна уделять себе куда больше, нежели готовке или воспитанию детей. Детей, у неё кстати тоже, по определению, быть не должно. Оттого «пелёнок в руках она не держала и говна детского не нюхала». Мама бы явно не одобрила такой кандидатуры в жёны.

Но Дворовой всё еще хотел эту дрянную бабёшку. При всём её омерзительном нраве.

– И что же, Ася? – оказавшись в приёмной, Дворовой обратился к секретарше, сидевшей за ещё одним письменным столом и отхлёбывавшей кофе своими бугристыми из-за дешёвых косметических процедур губами. – Не надоело вам тут сидеть скульптурой фаянсовой вот уже который год?

Секретарша смерила Жору презрительным из-под очков взглядом и сказала:

– Фаянсовые скульптуры – это, между прочим, изделия тонкой, ручной работы! – Ася достала из шуршащего пакетика огромную розовую зефирину и одним укусом отхватила половину.

– А еще говорят, что близорукие люди сплошь доброжелательные добряки, – сказал Дворовой. – А я вот уволиться хочу.

– Близорукость, Георгий Иванович, это состояние ума и степень открытости миру. А у меня миопия. И вообще, я скоро операцию сделаю. А чего увольняешься-то?

– Да тут... состояние ума неподходящее.

– Что-то резко как-то у вас у всех состояние ума изнашивается. Интересно, это происходит, когда человек мельчает или наоборот укрупняется? Но ничего, вот вы все поуволяетесь, может и времена новые настанут. Может, тогда замуж выйду, наконец.

– А кто ещё? – спросил Жора недоумевающи.

Ася кивнула, указав головой на кабинет начальницы.

– Она?! – почти взвизгнул Дворовой. – А ей-то чего тут не сидится.

– Я вам что, Георгий Иванович, нянька что ли её? Ну откуда я знаю! Уволится, и слава Богу! Мозги уже кипят от её выходок. Глупее женщин за всю жизнь не видела. У меня в подъезде пропитуха одна живёт, так и то умнее иногда рассуждает. А эта... А вообще ходит слушок, что с мужем она разводиться собирается. Нимфоманка чёртова. И что свинтить готовиться куда-то за границу. То ли в Италию, то ли во Флоренцию.

– Дык это одно и то же, если по сути говорить.

– А мне плевать! – Ася бросила на мужчину взгляд, полный злобы и презрения, от которого, казалось, очки её готовы были треснуть. Впрочем, примерно то же чувствовал в тот момент и Жора. Из приёмной он вышел, громко хлопнув дверью, услышав напоследок в свой адрес что-то бранное и уничижающее.

Тем вечером ему позвонила золовка. Нателла была вся в слезах. Они сочились из её рта, текли по буквам и покрывали испариной динамик телефона. Она рыдала от того, что никого не было рядом. Муж не вернулся домой. Сказала, что он напился и остался ночевать на работе. Но, похоже, то было ложью. Так думала Нателла. Дворовой же в этом факте не усомнился ни на йоту. Разве что координаты местонахождения Кирилла могли включать в себя что-то еще помимо работы. Он запросто мог пойти по барам, по гаражам, по берегу реки и всё равно рано или поздно вернуться домой.

Она говорила, что они стали часто ругаться. Говорила, будто на мужа навели порчу. Рассказывала, как он без повода срывался на неё и на сына, точно зараза какая-то в нём засела, которой управлял кто-то на расстоянии.

– Это всё зависть, – старалась подтвердить она сама свои же догадки. Говорила про гадюк, что «мерзким змеиным комом» копошатся вокруг да около. А уж скольких из них она в своё время от семьи отвадила – и не сосчитать. Только вот исход один: всё равно всё плохо стало.

– Боюсь я, Жорик, и за себя, и за семью. И за него. А вдруг он нас бросит. Вдруг Стаса учить откажется. А ему в армию нельзя. И я сама не потяну. Он у нас на режиссуру поступать хотел. В столицу уезжать собирался. – Нателла вдруг замолчала, будто испугалась, что Дворовой перестал слушать её стенания. Но он был рядом. Ближе, чем когда-либо. От такой чистосердечности он весь взмок. Впрочем, виной тому могли быть бесконечные, безостановочные блуждания по квартире во время ведения столь душевного диалога. Наверное, Дворовой за

весь этот намотанный им километраж полкило успел сбросить. Так он и сказал в конце их беседы. Хотел снизить градус, разбавить тусклый крик отчаяния неумелой шуткой.

Не получилось.

– Жора? – обратилась к нему Нателла напоследок. Тот, с трудом сглотнув внезапно возникший в гортани ком вины, замолчал, стараясь даже не дышать. – А у тебя член большой? У Кирюхи моего – крошечный, как опёнок. Я и думаю, а чего в нём бабы-то тогда находят. – Золовка расхохоталась и сквозь истерику попыталась продавить ещё пару слов. Жора уже их не разобрал, но понял, что Нателла таким образом пожелала ему спокойной ночи.

«Дрянная бабёнка»

Интересно, что бы сказала о ней мать.

Всю следующую ночь Дворовому снились сны. Обычно, когда видишь во сне всяческие презреннейшие мерзости, то это можно считать предвестником некоей беды. Он свято в это верил, так как видел подобное в фильмах. Иногда читал в книгах. А в ту ночь он видел тараканов. Все они были одинаково отвратительны, одинаково прытки и даже одинаково хрустели, перебираясь друг через друга и превращаясь в одно стрекочущее одеяло, постепенно и поступательно накрывающее Дворового. А он только лежал и не мог пошевелиться. Сном было это, явью ли, так сразу и не разберёшь. Только он в ужасе открывал глаза, пытаясь пробудиться, как всё вокруг становилось снова родным и знакомым – и стены, и воздух прелый, и диван продавленный, – вот только покрывало мельтешащее и колющее по телу Дворового всё равно перебирается и до лица долезть норовит. Он глаза снова закрывает, замуривает аж до спазмов, от боли той едва не вскрикивает, и тут – раз, и нету ничего уже. А потом всё заново повторяется.

Ещё ему снился Воробушков. Тот крутился в балетной пачке среди гостиной, и делал он это с такой быстротой, что даже нельзя было достоверно понять, он ли это. Лицо его всё ускользало, и вместо него в воздухе на месте головы висела будто бы коряво детской рукой нарисованная физиономия человека без пола, возраста и совсем без эмоций. Лишь сухая констатация того, что, мол, существует такое лицо и ничего тут не попишешь больше. А не было бы его, всё равно никто бы не заметил. Но Жора в своём сне точно знал, что это Воробушков перед ним плясал. Глядел он всё на соседа своего и думал, что лучше бы тот не останавливался, ведь стоит ему танец этот прекратить, так Земля под ногами тоже вращение своё остановит. Оно ведь всё тут у них в доме взаимосвязано. Надо бы и других позвать, чтоб пришли посмотреть. А чуть что, так обязательно подстрахуют – заново вращение запустят в случае остановки. Но тот крутился всё медленнее и медленнее. А когда совсем кружение его затормозилось, Воробушков ещё и звуки странные издавать начал, словно плёнку в магнитофоне зажевало. С этими вязкими звуками в голове Дворовой и проснулся.

Он едва смог вылезти из кровати. Какая-то зловонная трясина заглывала его, казалось, всё сильнее и глубже с каждым новым толчком его тела, отчаянно сопротивляющегося сонливости. Разыскав телефон, Жора принялся звонить своей начальнице и несбывшейся любовнице, желая сообщить, что сегодня не придёт. Вероятно, она могла бы подумать, что причиной тому стало случившееся накануне недоразумение, но Дворовой готов был согласиться и с таким объяснением, лишь бы она не мучила его в этот час своими как всегда глупыми и несносными вопросами. Но никто его в тот час и не мучил. Софья Васильевна не ответила на его звонок, и сама звонить не стала, чем, впрочем, только ещё больше его разозлила.

Через плотные коричневые, одинаковые во всех комнатах, шторы не просачивался свет. На улице, наверно, уже асфальт плавился, а в квартире у Дворового ночь всё никак не проходила. День наступил только, когда, почёсывая яйца и кряхтя, точно с глубокого похмелья, Жора вошёл в кухню. Вошёл, включил свет и понял, как сильно стал ненавидеть этот агрегат, эту его чудо-машину, не принесшую никакой радости, а только чрезвычайно всё изгадившую. Телевизор стоял посреди стола и был уже весь испещрён вдобавок к старым пятнам новыми – от жира, высохшей воды и слипшейся пыли. Но при этом он приобрёл какое-то с виду даже

достоинство, будто бы, чинно располагаясь аккуратно по центру столешницы, он вот-вот возьмёт и начнёт важный диалог с любым, кто водрузит свой зад на обломанное по углам сиденье табурета, стоявшего рядом и видевшего, кажется, еще Жорина детство. Словно ухватив эту идею из воздуха, Дворовой выдвинул табурет и сел, уставившись в выключенный ящик.

– Вот мы вдвоём и остались. Одни в этом скучном, блядском мире, – сказал он. – А тебе того, наверное, и надо было. Был бы ты человеком, то непременно бабой! – Жора принялся вдруг ощупывать телевизор со всех сторон, сам при этом не понимая, зачем нужно было это делать. – А вот интересно, ты меня хоть слышишь? Хотя, если ты баба, то тебе, наверное, и слышать-то не обязательно. Только бы говорить-говорить. По ушам проезжать бульдозером. Катком давить. Эх, никакущий из меня сочинитель. Ну, чего ты? – сказал Дворовой, обращаясь к своему блёклому отражению в стекле.

Рука его потянулась к пульту. Аккуратно, как бы пытаясь сам от себя скрыть собственное намерение, Жора надавил на кнопки «1» и «5».

Экран предсказуемо налился темнотой. Изнутри неё пробивался какой-то низкий гул. Он будто бы доносился из глубокой трубы, в которую непостижимым образом уходили внутренности ящика. А через мрачное эхо этих вибраций слышалось что-то вроде звука капающей воды. На экране время от времени образовывались смоляные воронки, в которые затягивались струи чёрной жижи. Но всё это уже Дворового почти не волновало. Он всматривался не во тьму, а в две горящие в углу зелёные цифры, пытаясь как-то их разгадать. Но похоже, число так и оставалось просто числом. Дворовой не мог привязать его ни к определённой дате, ни к какому-то достижению, требующему замера, ни к адресу, кроме того, где жил он сам, ни вообще к чему бы то ни было. Пустое число. Глупое. А во всех этих духовных учениях, объясняющих тайные смыслы цифр, Дворовой никогда силён не был. О том, может быть, золовка бы и рассказала, да он всё равно бы не принял во внимание. Зато он вспомнил, к чему снятся тараканы.

Отец, пока он был частью семьи, тоже, помнится, жаловался на сны такие. Говорил, каждую ночь они, паразиты эти стрекочущие к нему приходили. Бабка потом, мать его, сказала, мол, хороший это знак.

«Таракана убьешь – на повышение пойдешь», – повторяла она. А какое у него, у отца-то повышение могло быть. Слесарем полжизни проработал. Не в артисты же после такого идти. Пел он, правда, хорошо, хоть и по-пьяни, в основном. Да и этого его умения никто особо не ценил. Так и сгинул. Сначала из семьи, а потом со свету.

Вот и Жору здесь ничего не держало. Тысяч триста, что он скопил, во всём себе отказывая, должно было хватить на переезд да на несколько месяцев достойной, теперь уже безотказной жизни в съёмной квартире и, может быть даже на то, чтобы создать из себя хоть какую-то видимость человека. Ему захотелось вдруг закупить дорогих шмоток. Не тех, что обычно в бесконечный серый ряд вывешивают в дисконтах торговых центров, а из бутиков, что двумя-тремя этажами выше расположены.

Уезжать надо было, пока не поздно, решил он. В его-то возрасте каждый день за год. А там всё может быть иначе. Вырывайтесь из зоны комфорта, говорят они. Дворовой всегда над этими словами потешался, мол, жизнь в этой стране – сплошная зона комфорта со спа и тайскими деликатесами на завтрак. Жора и сейчас смеялся, но уже не осмеливался что-то оспаривать.

Он подумывал забрать телевизор с собой. Быть может, Жора просто неправильно воспользовался данной ему свыше возможностью. Быть может, там, в новом месте ему откроются десятки удивительных историй, частью которых он сможет стать, избежав тем самым соблазна окончательно быть утянутым бурлящим и холодным ничто, которое так сладко звало и манило. Интересно, будет ли эта шарманка работать там, куда он намеревался отправиться. Надо бы потом проверить её на способности к миграции и адаптации. И себя заодно.

Жаль только, никого не будет рядом. Никого вообще. Дворовой не собирался рассказывать о своих планах кому-либо. Он отвёл себе пару дней на то, чтобы собрать вещи и решить, что делать с квартирой. Например, сдавать её в аренду – это было вариантом, с одной стороны, очень удобным. Однако, кто мог знать, на что еще способны эти стены, пронизанные чудодейственным электричеством и чужими секретами. Въехать сюда значит столкнуться со всем этим потаённым злом из историй о призраках, живущих в плохих домах. Только в действительности не было здесь никаких призраков. В реальной жизни люди, сбегая, умирая или попросту забывая остаться, становятся лишь грязным оттиском, застывшим в воздухе незадолго перед восходом.

Дворовой опустошил огромный платяной шкаф, сервант и тумбы, занимавшие половину спальни, а затем раздосадовано смотрел на устроенный бардак и всё никак не мог взять в толк, как теперь со всем этим барахлом поступить. Не то, чтобы там было чем поживиться, и что всё это было ему действительно нужно, просто какая-то щербинка внутри Жоры заходила зудом от того, что всё это останется здесь или ещё хуже – окажется выкинутым. Были там, например, фотоальбомы чуть ли не полувековой давности, со всей историей их семьи. Почему-то все они остались именно у Жоры, а не у его брата. Запылившиеся и покрывшиеся паутиной книги напомнили о том, как в детстве Дворовой таскал их из библиотек, а наборы посуды – много-много посуды – отсылали его к тем временам, когда на семейных праздниках собиралось больше чем четыре человека. Львиная доля всех эти металлических, украшенных гравировкой советских времен ложек, вилок и ножей, была подарена в честь самых разных поводов: дней рождений, нового года, восьмого марта и прочих красных чисел. Что-то потом доставалось по наследству, а что-то попросту выходило из активного употребления, становясь чем-то вроде музейного экспоната. На протяжении нескольких часов Жора всё это бережно рассматривал и раскладывал по сумкам, а те предметы, по которым у него не было какого-то определённого решения, он откладывал в сторону, чтобы потом вернуться к ним ещё раз.

В дверь постучали. Жора никого не ждал, да и не желал чьего-то присутствия, оттого всё никак не решался открыть дверь. И только когда стук стал усиливаться чуть ли не в геометрической прогрессии, Дворовой понял, что дело серьёзно.

На пороге стояла она. Нателла. Держала в руке бутылку вина и с чуть виноватой улыбкой смотрела на Дворового. Глаза его убегали от её взгляда. Ничего не сказав, он жестом пригласил её войти.

– А ты что, уборкой занимаешься? Перестановку делаешь? – поинтересовалась гостя. От неё пахло чистотой и свежестью, будто она только что приняла душ.

– Да так. Воспоминания просеиваю, – едва слышно ответил Дворовой.

– А как это? И зачем? Чтобы понять, где свернул не туда?

– Чтобы тараканов всех вытравить, – на улыбке произнёс Жора.

Они прошли на кухню, он убрал со стола телевизор, освободив тем самым место для алкогольной трапезы, которая, судя по всему, была традицией в семье его брата; а затем начал откупоривать бутылку. Похоже, пили они там все не меньше, чем сам Жора. Разве что ассортимент напитков был сильно шире.

– Не спросишь, зачем пришла? – произнесла Нателла с любопытством, будто это к ней, на самом деле, явился незваный гость. Не дождавшись ответа, она продолжила: – Мы, похоже, разведёмся, Жорик.

Он, посмотрев на гостью обеспокоенно, придвинул к ней кофейную кружку, до краёв наполненную вином.

– Он сказал, что ему надо подумать. Сказал, что чувствует вселенскую усталость. Представляешь? Так и сказал. Вселенскую усталость. – Виноватая улыбка на лице женщины дрогнула, и глаза заблестели влагой. – Ну откуда в нём такие слова?

– Услышал от кого-то, вестимо.

– Вестимо? Так ведь и я о том же! Дамочки так говорят, знаешь, наподобие тех, которые на йогу со мной ходят. Знаешь, как хочется напиться, Жорик. Мы же особо не пьём, ты не думай. А он тут начал. И я – на него глядя. И я вот вдруг поняла, с чего это ты пивас глушишь днями напролёт. Жаль мне тебя, Жорик. Я как на тебя ни посмотрю, присказка мне одна вспоминается, что человек без роду, он ведь как семья... непроросшее.

– И ты туда же? Тоже на баннере прочла что ли?

– А? Да ну тебя. Я всё думаю, не туда ты свернул всё-таки. Ой, не туда! Знаешь, в чём беда твоя, Жорик? – Гостья достала из кармана джинсов сигарету. Дворовой вопросительно кивнул. – Ты красивый.

– Дык разве это беда? – засмутился Жора.

– А таким людям не надо ничего. Они думают, что раз они красивые, им так всё дадут. И ни к чему не стремятся. Вот был бы ты каким-нибудь косым, хромым и колченогим, то большего бы добился. Жопу бы рвал, а всё равно бы шёл к мечте своей, или не знаю, денег, хотя б, поднять смог нормальных. Как братец твой. А так, глазки построил, пару словцов красивых сказал, и полдела сделано. И ничего доказывать не надо никому. Вот и живёшь так всю жизнь вполсилы. Людям за красоту многое прощают. Тебе, Жорик, сорокет вот-вот стукнет, а ты всё такой же смазливенький. Как и пятнадцать лет назад, когда я тебя узнала. Когда ты меня узнал, – Нателла стыдливо опустила глаза. – Это наша общая с тобой беда, – продолжила она. – Еще боюсь, что Стасян таким же будет. Красивый мальчишка растёт. От девчонок уже отбоя нет. И страшно подумать, что потом с ним будет. Поначалу чужим вниманием пользоваться начнет. Потом чужим положением и деньгами. А затем на безвозвратных кредитах чужих возможностей привыкнет жить. Прости, сама не понимаю, чего говорю. А вроде не пила еще, – Нателла запрокинула голову, вливая в себя вино и пряча тем самым наполнившиеся слезами глаза. – А знаешь, о скольких вещах я уже пожалеть успела? Мне же говорили, что из меня художница станет неплохая. И когда я Кирюху встретила, то подумала, а что же мне важнее: выйти замуж и семьей на зависть девчонкам обзавестись или стать художницей неплохой. Долго думала. Поняла, что неплохой мне быть мало. Хочу быть художницей хорошей. А потом в зеркало на себя посмотрела и подумала: а пусть с меня лучше портреты пишут и мной восхищаются. Это же преступление – красоте такой в масле да гуаши мазюкаться. А ты ведь не видел даже, как я рисую. И никто не видел. Я и Кирюхе не показываю. В папках прячу среди хлама всякого, бумажного. Такой вот мой маленький секрет.

– Да и не единственный небось..., – обронил Дворовой. Он посмотрел своей гостью в глаза и сказал: – Пятнадцать лет прошло ведь.

Нателла отхлебнула ещё вина, после чего тоненькая бледно-вишневая струйка потекла по её подбородку; а затем, не сводя с собеседника глаз, женщина коротко ответила: «да».

– Он ведь мой?

Женщина пожала плечами. И этой её неуверенности Жоре хватило, чтобы понять всё, что в этот момент понять следовало. И он не смел сомневаться. Даже вполтину того, насколько сомневалась в своём ответе Нателла. Он понял, что момента лучшего чем этот больше не будет. Уже не будет. И еще не было. Только здесь и сейчас.

– Я бы с тобой уехал. С тобой только. Я вообще всегда в тебя влюблённый был. Но видел, что муж у тебя, ребёнок. Всё по-настоящему. Семья, мол. Совсем не так, как у меня было всю жизнь. Вот, думал, брату моему повезло. С красавицей такой. О которой мечтать только и можно.

Гостья подняла глаза. Несмело. По-девичьи. Призрачно улыбнулась. От неё повеяло вином. Наверняка и она почувствовала от Дворового тот же запах. И запах этот наверняка – так же, как и ему, – показался ей привлекательным и дурманящим. До головокружения. Она приподняла голову и кокетливо, но в то же время с каким-то сожалением стала смотреть на Дворового. Вот как в такую не влюбиться?

У Жоры перехватило дыхание. В этом почти спазматическом состоянии он схватил Нателлу за руку и стал целовать скрюченные пальцы её кисти. Поначалу он едва шевелили губами, словно его лицевые мышцы парализовало от переизбытка адреналина, но томная нежность гостьи постепенно усыпляла все его тревоги. Ткань Жориных трусов стала вдруг какой-то плотной, а сами трусы – тесными. Они нагло мешали тому, что должно было вот-вот произойти. Произойти и окончательно замкнуть наспех и нечётко нарисованный пятнадцать лет назад круг.

Нателла, казалось, не испытывала никакого смущения. Она скользила по Дворовому, угадывая каждый его контур. Как такую не полюбить? Сам же он всё ещё барахтался во всё стремительно заполняющем его голову болотце сомнений и стыда. И он уже не был больше утверждён в своём изначальном плане побега, и никак не мог понять, делал ли он всё это с Нателлой сейчас по собственной воле или под воздействием неких странных снадобий, пары которых испускало тело женщины. И совершая в своих рассуждениях короткие перебежки от одного пункта к другому, Жора всё никак не мог остановиться на чём-то одном. Остановиться, чтобы хотя бы просто подобрать позу для совокупления. В конце концов он положил Нателлу на стол так, что она почти билась головой о стену, задрал юбку, стянул трусы и стал агрессивно входить в тело женщины. Она застонала так громко, что, казалось, боли в этом её крике было намного больше, чем наслаждения. Впрочем, может, она и правда ничего кроме боли и не чувствовала в тот момент.

Она ведь жила с человеком, который не был отцом её ребёнка, всё это время только потому, что истинный отец никогда не стал бы достойным семьянином. Но кровь не обманешь. Кровь знает больше, чем мы то о ней полагаем. И известны ей не только сведения о количестве кислорода и дерьма в человеке или время и причина его смерти, но скрыто в ней куда больше секретов, ядовитых и скверно пахнущих.

В этой квартире тоже скверно пахло. Просроченной едой, жиром из микроволновки, сыростью из санузла, разбрызганным по столу вином и какой-то вдруг испортившейся чистотой Нателлы. Но Жору эта гремучая смесь запахов только заводила. Это было то самое, настоящее здесь-и-сейчас, запах которого он уже успел позабыть, пока прозябал в замкнутом пространстве стен и фантазий – собственных и навеванных электрическим шумом. Это кружило голову и наполняло экстагическим чувством всё больше полостей тела Дворового, отчего он неотвратимо терял контроль, едва ли не впадая в истерический припадок. Ещё большего безумия ситуации придавали остервенелые возгласы Нателлы. Поначалу она лишь заходила сухим каким-то плачем, а после стала вскидывать руки и хватать Дворового за лицо, словно пытаюсь сорвать с него маску.

– Хватит! – вскрикнула Нателла.

Но Дворовой её вопля будто не услышал. Тело его стало вести себя ещё яростнее – сотрясаться и будто бы вырастать, угрожающе при этом нависнув над женщиной.

– Перестань! – повторила она уже громче.

– Щас-щас-щас, – выдал Жора на автомате.

– Уйди! Пусти! – завопила женщина. Нателла была беспомощна. Она пыталась схватиться хотя бы за что-то, дабы найти точку опоры, но от раскоряченных во все стороны рук и ног тело её двигалось неуклюже, поддаваясь Жориному рвению доделать всё до конца. Одной рукой он держал её за плечо, а другой пытался зафиксировать бедро у себя на талии, вдавливая в кожу пальцы, увенчанные отросшими почерневшими кончиками ногтей. В какой-то момент гостья тоже решила подключить ногти и вцепилась своим маникюром в шею Дворового. На коже его тотчас же образовалось несколько тоненьких красных линий, больше напоминавших волоски – чуть искривлённые и плохо заметные при тусклом кухонном свете. Жора взвыл и тут же, зашипев как взбешённый кот, отбежал от Нателлы. Пока он лишь спешно пытался спрятать собственный стыд, укутывая ноги в трико, гостья успела убежать из кухни.

– Я всё про тебя расскажу! – доносилось из коридора. – Да Кирюха тебя со свету сживёт, мразь ты поганая! И с работы тебя выставят. Скатишься на самое дно, нюхать парашу будешь, как и раньше. Ты понял?! Козёл! Подонок! Бесцветное, непросыхающее дерьмо! Чтоб у тебя всё там отвалилось! – Следом послышался звук захлопнувшейся двери.

Они, похоже, бабы эти по одному справочнику учатся характеристики подбирать, Думал Дворовой. Всё это Нателла говорила о нём. Но что, если эти слова гнусные не к нему, а к брату его адресованы могли быть? Мужу её. Она ведь никогда не позволяла сказать Кириллу ничего такого напрямую. А теперь, уловив так хорошо знакомые и отчасти уже ненавистные ей очертания в другом, фактически чужом человеке, разрешила быть себе наглой и бесстрашной. Сколь бы глупо не звучала эта версия, Дворовой предпочёл придерживаться именно её, зная, между тем, наверняка, что именно он был единоличным получателем этих проклятий.

– Он тебя бросит! И сына твоего бросит! – прокричал Жора будто сам себе.

Он раскрыл занавески на кухне. За окном было темно. Затем почерневшее за стеклом небо стало вдруг плавиться, а вместе с ним и всё вокруг. Кажется, это было впервые за последние лет десять, когда Жора зарыдал. До этого помнилось ему лишь, как тяжело он развод переживал. Думал он тогда, мол, а что, если жена беременной от него уходит. Это ведь она тогда кровиночку, частичку его в своём теле уносит, отрывает от Жоры, считай. И ведь, зная её, не вернётся она никогда и ребялёночка не покажет никогда ему больше. А он так и сгинет совсем, не зная любви ни материнской, ни братской, ни женской, ни вот сыновьей теперь. Жинка то хоть явно никогда о положении своём не заговаривала, но ведь в укор Дворовому частенько ставила непредприимчивость его и вялость в делах материальных. Мол, станет он отцом, так какой прок с него будет? Он тогда эти слова в расчёт не брал, а как только благоверная уходит собралась, так сразу ему горько стало до онемения, что неделю потом с кровати не вставал, слезами перину на подушке разъедавая и тем самым собственную же вялость и непредприимчивость доказывая лишний раз.

Но ведь и они-то все не лучше! Все эти вязкие, хлипкие людишки, что за стенами там ёрзают, скучные жизни свои проживают, не способные нисколько ничего в них изменить потому лишь, что всё уже давно за них решено. Кто-то всемогущий задумал сотворить этот мир таким, чтобы он выглядел лишь издевательской пародией на представления о нём, живущие в головах людей. Есть вещи, которые невозможно понять. Можно только принять их. А с некоторыми и того не выходит. Их только перестрадать и остаётся. А когда знаешь, что и другие люди страдают тоже, пусть даже того не показывая, то тогда становится чуточку легче страдать.

Дворовой, заливаясь слезами, полез под стол. Уж там ему точно компанию составят. Он нажал на кнопку чудо-машины и принялся смотреть.

Он по очереди листал каналы, начав с самого последнего.

Серые, хлипкие. Вязкие, скучные. Бесцветные, молчаливые и уставшие.

Всё там было настолько необязательным, что люди уже воспринимались не иначе как издохшими от двенадцати часов репетиций статистами. Их даже нельзя было назвать призраками, ведь призраки совершают какие-то движения. А тут же почти не двигался никто. А если кто и двигался, то непременно при этом всё замедлялся, наглядно демонстрируя процесс затвердевания, а вслед за ним медленного исчезновения. И только в одной из квартир происходило нечто совершенное иное.

Когда на экране появилась *она*, время, оно словно сделало какой-то скачок не то далеко вперёд, не то настолько же далеко назад. Софья Васильевна предавалась утехам. Всё в той же квартире. На той же кровати. Она упиралась ногами в изголовье, а лицо её, бороздя стекло экрана, расплывалось прямо перед глазами Дворового и будто таяло. И расплавленное это месиво, что образовалось на месте её лица, в один момент залепило Дворовому глаза, отчего он и не заметил сразу, что поверх женщины лежало мужское тело. Не просто лежало, а ожесточённо даже как-то вело борьбу против тонкой, хрупкой сущности Софьи Васильевны. Только

когда Жора услышал звериные возгласы ёбаря, он вернулся в реальность. Но в этот раз она, реальность эта злосчастливая, обошла с ним как никогда жестоко.

– Не смотри! – кричала женщина, глядя прямо в экран бесформенными глазами. – Не смотри! убирайся прочь!

Дрянная бабёшка.

А Дворовой стоял как вкопанный и пошевелиться не мог. Сделался в один момент совсем не способным зрачков своих отвести от глаз столь же родных, сколь и ненавистных. Кирилл глядел прямо на Жору исподлобья, как волк или, скорее, как Ганнибал Лектер, и лицо его, казалось, ничуть не дрожало, тогда как тело совершало агрессивные содрогания и едва ли не врезалось собой полностью в хрупкую плоть Софьи Васильевны. Дыхание у Дворового тогда сделалось жидким и расхлябанным, будто бы лёгкие его наполнились слизью. Он убежать тут же захотел, спрятаться под стол на кухне, как в детстве делал, да вот только уже под этим самым столом он сидел и затылком о перекладину от столешницы бился, будто специально, чтоб в глазах потемнело. Чтоб не видеть только предателей этих сношающихся и в лицах расплывающихся то ли от картинке нечёткой, то ли от слёз, что ручьём из глаз Дворового бежали. Жора к шнуру потянулся, выдрать его хотел из розетки, лишив этот ящик злосчастный живительной энергии, да только оказалось, что от другого источника машина питалась. Шнур лежал неподвижно у стены, издевательски, словно змея игрушечная, искусно притворяющаяся лишь живой. Штепсельная вилка покоилась у ножки стола, чуть её огибая, но не прилегая к ней вплотную, будто бы желая обнять, но слишком этому сопротивляясь. Дворовой тогда из-под стола выскочил, голову себе о столешницу ободрав и стал по квартире метаться. Ни выхода, ни пристанища не найдя, он бросился прочь из квартиры.

На улице в это время никого почти уже не было, только соседки в количестве трёх штук, в халаты облачённые, неподалёку о чем-то тараторили. А рядом с ними машина полицейская была припаркована. Дворовой взгляд чуть левее перевёл и увидел, что дверь в подъезде соседнем открыта и полицаи около стоят, что-то там сами себе с ноги на ногу переминаются.

Чего же они стоят там, думал Дворовой. Пускай бы уже ворвались в квартиру эту злосчастную что ли, да вышибли бы все мыслишки и устремления похотливые у этих хахалей недоделанных из семнадцатой. Пускай их прям там и загребут, голых и растерянных, растерзанных собственной же страстью, бултыхающихся беспомощно в грязных её испражнениях. Тут полицейские на Дворового внимание обратили, переглянулись, один другому что-то сказал, а затем к соседке направился, что неподалёку стояла. Второй так на месте и остался и будто бы следить за Дворовым стал. Жора весь съёжиться захотел, но виду не подал никакого, начал лишь по карманам штанов своих шмонать, мол, сигареты найти пытался, хотя не курил уж давно, да и карманов на штанах не было. Но так он этим своим поискам выдуманном поверил, что ни капли даже не засомневался, когда дверь подъездную распахивал, дабы в квартиру подняться свою и с сигаретой уже оттуда выйти. Но только дверь за ним захлопнулась, как Жора шаг резко ускорил, через все лестничные пролёты за считанные секунды пронёсся. А в квартиру когда забежал, дверь изнутри на оба замка закрыл и на цепочку ещё, которой уж лет десять как не пользовался. Тихим-тихим шагом он прошёл на кухню, выведать что там да как. Чудо-машина ни с того ни с сего молчала. Всё в доме его молчало. Только вода изредка в трубах бурлила. И из стен голоса невнятные доносились, будто и не на русском вовсе разговаривающие. Спрятаться от них желая, Дворовой прошёл в спальню, меж сумок там собранных разместился, в клубок свернувшись на полу прямо и одеялом накрывшись, да так и уснул.

Очнулся он весь какой-то иссушенный. Хотя ни есть, ни пить всё равно не хотелось. А ещё это неопределённое из-за плотно задёрнутых занавесок время суток всё продолжало с толку сбивать. Искусственная желтизна ламп, разлитая по всей квартире, за прошедшие несколько часов будто бы покрылась плесенью сумерек. Местами, на стенах и в углах серая вязь эта образовывала жирные пятна, от которых точно метастазы распространялись шупальца,

вот-вот готовые сжаться в плотный клубок, обхватив собой Жору и растворив его в душных своих объятиях.

Только бы поскорее убраться отсюда, думал Дворовой. Вынося упакованные вещи в коридор, Жора, впрочем, так и не был уверен, что заберёт с собой все эти книги, фотоальбомы и оставшиеся от бабки вязаные салфетки. Но пускай у двери постоят. Есть-пить же не просят. Посуду только было решено оставить здесь. Чашки-кружки, ложки-вилки всякие. Побьет, а то еще, чего доброго. И сам поранится. Дворового так и подмывало сказать что-нибудь этакое пафосно печальное вроде «вот и конец настал» или же «в последний путь!». Да никто всё равно не услышит. Не оценит.

Жора надел костюм. Свой единственный. Купленный еще лет семнадцать назад. Чуть ли не на свадьбу. Некрасивый и выцветший, но зато хоть немного достоинства добавляющий.

И это хорошо, что не случатся никакие проводы. Никакая дрянная бабёнка эту процессию уже не испортит. И никто ничего ему тут не испортит. Забудет он все эти истории паршивые. Будут у него новые. Вот прям сразу и начнутся, как только за порог он выйдет, к вибрациям вселенским прислушается, ноги его сами тогда зашагают и в нужном направлении понесут. А там уж и ветер подхватит, и слово доброе путь укажет, и рожа с баннера чья-то посмотрит улыбчиво да совет какой даст. Вот тебе и жизнь новая начинается. А машину эту гадкую, зловредную Дворовой уничтожить решил. Снесёт он её в подвал тот же и в яме той, что в стене, обязательно захоронит. Никого, чтоб не искушала. Надо было удостовериться только, что полиция ушла, а то шибко живой интерес они тут ко всему проявляли намеренно.

Только Жора об этом подумал, как в дверь постучали. За дверью брат стоял, опустив голову и почти не двигаясь, точно вину свою учуял и просить прощения пришёл. А лёгкая припухлость фигуры его, пропущенной через линзу дверного глазка, добавляла Кириллу ещё больше какой-то нескладной жалкости, совсем для него нехарактерной.

– Ты куда собрался-то, Дон Жуан недоделанный? – недоумевая произнёс Кирилл, когда завидел брата, облачённого в серый парадный костюм. Дворовой неуклюже и смущаясь попятился назад, будто подозревая, что планы его и мысли в одночасье стали известны всем вокруг. Кирилл окинул взглядом стоявшие у порога кули, посмотрел на родственника с неодобрением и, не сняв ботинок, двинулся на кухню.

– А чего у тебя там менты пасутся? – продолжил он. – Ограбили кого? Или убили, может? «Убили. Может»

Он что-то знал. Шантажировать пришёл. Подлец.

– Накормишь брата-то родного? – гость распахнул холодильник, вынул оттуда кусок сыра и полбуханки хлеба, завернутой в сто слоев целлофана. – Таким и убить можно, – ухмыльнулся Кирилл, постучав буханкой по дверце холодильника. Жора всё смотрел на него из коридора пытаясь замысел его хитрый разгадать да момент улучшить удобный, то ли чтоб разговор начать, то ли чтоб прогнать его отсюда на все четыре стороны. – А чего это у тебя, сломался драндулет? – сказал, Кирилл, поместив в микроволновку бутерброд и без толку дав на кнопки СВЧ-печи. – Всё-то у тебя, братец, через одно место. Вот потому жена от тебя и ушла. Жена ушла, мать ушла. Вот и жизнь вся позади где-то. У тебя тут техника даже издыхает вся. Ты вообще человек? А, братишка?

– Там... розетка, похоже, из строя вышла. Ты... п-п-попробуй на стол поставить, – спотыкаясь в словах и путаясь в мыслях, сказал Дворовой. Брат, послушав Жориного совета, печь на стол перенес, включить её всё намеревался, к розетке подобраться пытаясь, да ничего так и не сделал, на монолог родственника своего болезного отвлекшись.

– А знаешь, что она мне сказала-то, когда ушла? Мать моя. Наша, – продолжил Жора. – Сказала, мол, останетесь вы тут вдвоём гнить. В этой червоточине. И сгинете в этой же мгле поганой. Только и будете всё барахтаться до самой смерти. Вот так она сказала. Мне сказала. А потом ногу одну поджала, улыбнулась злобно так, вторую ногу приподняла и сама же барах-

таться стала, в воздухе вися и глаза выпучивая. Шнуром резиновым к потолку привязанная. Вот прямо на кухне этой. Да, видел я это всё. Своими глазами. И не сделал ничего. Человек ли я? Вот спроси ты меня теперь.

– Сучёныш ты пакостный! Мудила объебошенная! Хули ты так смотришь? Аааа?! – взгляд Кирилла стал точно таким же, каким его Жора запомнил, наблюдая за братом через экран бесовской чудо-машины. Только теперь в глазах братовых не огонёк коварный горел, а пламя полыхало, от которого внутри у Дворового всё начинало плавиться и ноги потому подкашивались, а руки дрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.